

— Возьмите это себя на память, обратилась она ко мнѣ.

Я хотѣла было взять, но папа отказался наотрѣзъ.

— Благодарю васъ, сударыня, сказали они.— Но я простила васъ этого не дѣлать. Дѣти не должны получать такихъ дорогихъ подарковъ.

— Но вѣдь это на память!

— А если память, то съ нею будетъ и эта ленточка!

Госпожа Ольдкортъ подумала немного, а затѣмъ взяла въ медальонъ и ленточку и обѣ эти вещи протинула опять ко мнѣ.

— Носите на здоровье! сказала она.— И не забывайте обо мнѣ!

Всю дорогу обратно мы шли въ глубокомъ молчаніи. Мое сердце билось отъ всего того, что мнѣ только-что пришлось пережить, и то, что у меня остался серебряный кубокъ, да добавокъ я еще получила въ подарокъ золотой медальонъ, заставляло меня чувствовать себя на седьмомъ небѣ. Отецъ же шелъ весь погруженный въ свои думы. Онъ взялъ въ аренду новую землю, былъ доволенъ и въ то-же время его пугало то, что для ея обработки понадобятся новые расходы.

— Ты, кажется, плохо поблагодарила г-жу Ольдкортъ за подари-

рокъ... только и сказала-онъ, ко-

да мы уже подходили къ дому.

Но я не отвѣтила ему ничего.

Придя домой, мы застали всѣхъ

за чаемъ. Всѣ повскакивали изъ

стола, окружили насъ со всѣхъ

сторонъ и стали разспрашивать.

Мнѣ приходилось по десяти разъ

пересказывать одно и то-же, что

кто не хотѣлъ мнѣ вѣрить, кому

познакомилась съ самой г-жой

Ольдкортъ и мой медальонъ. Я

ходила съ рукъ въ руки, а болѣе

важно всеобщее восхищеніе. Руби-

новый кубокъ былъ торжественно

поставленъ въ гостиной на по-

лочкѣ и покрытъ стеклиннымъ

колпакомъ. Теперь уже онъ былъ

мой и никто этого не оспаривалъ.

Цѣлыя двѣ недѣли я ходила

точно пьяная, точно въ угарѣ отъ

посѣщенія усадьбы Прери. Госпо-

жа Ольдкортъ была вѣстительни-

цей всѣхъ моихъ думъ и мечта-

ній, и я была очень огорчена,

когда раанеслась вдругъ вѣсть,

что она очень занемогла и что

мужъ неожиданно увезъ ее въ

теплые края. Все въ усадьбѣ Прери

съ ихъ отъѣздомъ опустѣло и

притихло и громадный домъ былъ

запертъ на всю зиму и не ота-

пливался уже до весны.

Такъ я и не побывала въ другой

разъ у г-жи Ольдкортъ.

По «The silver flagon» изъ «Chatterbox».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

— У насъ все готово. Пожалуйста къ намъ въ гости!

М А Й.

Снѣгъ сошелъ, просохли ужъ
дорожки,
Голубыми стали небеса,
На берегахъ ужъ висятъ
сережки,
Раздаются птичьи голоса.
Ужъ не дуетъ буйный вѣтеръ
рѣвно,
Всюду видишь Божью благодать,
Ужъ весна... Цвѣтеть ужъ пере-
лѣска,
Зеленѣетъ „мачеха-и-мать“.

Листъ содрѣлъ, ужъ ломкимъ сталъ
валежникъ,
Пахнетъ въ роцѣ смолой и гри-
комъ,
Кое-гдѣ цвѣтеть еще подснежникъ.
И глядитъ голубенькимъ глазкомъ.
Въ вышнѣхъ ужъ журавли кри-
чали...
Это къ намъ... Летите въ добрый
часъ!..
О, весна, какъ всѣ тебя мы ждали
И какъ рады мы тебѣ сейчасъ!

Кузнецикъ.

НЕРАЗЛУЧКА.

Я—изъ породы попугаевъ, но
такого же маленькаго роста, какъ
и воробей. Я родился въ глубинѣ
Австрали, гдѣ мы цѣлыми стаями
жили у опушки лѣса по соседству
съ громаднымъ, невоздѣланнымъ
еще полемъ. Раннимъ утромъ,
едва только восходило солнце, какъ
мы уже съ радостнымъ щебе-
таньемъ, собравшись въ стаю штукъ
около ста, летѣли на рѣчку на во-
допой, и затѣмъ возвращались
къ себѣ на дугъ и, быстро бѣгая
между травой, кормились зерныш-
ками. Насѣкомыхъ мы не трогали
и они не боялись насъ, или же
просто вовсе насъ не замѣчали,

благодаря зеленой окраскѣ нашихъ
перьевъ. Насъ вообще трудно от-
личить на зеленомъ фонѣ листьевъ
или травы. Наѣвшись, мы летѣли
обратно къ своимъ деревьямъ, са-
дились парочками на вѣтви и не
двигались. Палило солнце, мы на-
ходились въ тѣни и наслаждались
спокойствіемъ. Мы сидѣли всегда
парочками, тѣсно прижавшись
другъ къ другу, почему люди и
прозвали насъ неразлучками. Ка-
жется, изъ всѣхъ птицъ только
среди насъ однихъ и наблюдается
такая пѣжная любовь между су-
пругами, что если одинъ изъ нихъ
вдругъ умретъ, то и другой тотъ

часъ же начинается отъ тоски хи-
рѣть и еще долго походить на
больного. Едва только спадаетъ
дневной жаръ, и въ воздухѣ на-
чинаетъ потягивать вечерней све-
жестью, какъ всѣ мы уже опять
летимъ къ рѣчкѣ на водопой и,
пошебевать немножко, уклады-
ваемся на ночлегъ. Наши самки
устраиваются на ночь въ дуплахъ
деревьевъ, которые онѣ же сами
и выдалбливаютъ для себя, а мы,
самцы, садимся тутъ же, каждый
у своего входа, и, засунувъ голо-
ву подъ крыло, сладко дремлемъ.

У моей супруги тоже было свое
дупло. Она выдолбила его въ ста-
рой мимозѣ, устлала дно этого
дупла мелкими щепочками и пупи-
комъ и снесла шесть кругленькихъ,
какъ шарики, блестящихъ яичекъ.

— Теперь я буду высиживать
дѣтокъ, сказала она мнѣ,—а ты
сидишь около меня и забавляй меня
своими пѣснями.

Мы, неразлучки, очень примф-
рные супруги и, разъ избравъ себѣ
подругу жизни, уже не расстаем-
ся съ нею до самой нашей смерти.
Услышавъ, что моя жена рѣшила
высиживать птенцовъ, я обрадо-
вался и отвѣтилъ:

— Ахъ, какъ это хорошо! Ты
сиди и не думай ни о чемъ. Я
буду приносить тебѣ ѣсть и буду
развлекать тебя своими самыми
лучшими пѣснями.

Цѣлые три недѣли она просп-
дѣла на яичкахъ и все это время

и оберегала ее покой, приносить
ей въ клевѣ зерна и воды, кор-
милъ ее и затѣмъ пѣлъ. И всѣ эти
три недѣли она не сходила съ
яичка, и я удивлялся ея терпѣн-
но. Потомъ вылелись у насъ птен-
ки. Это были голенькія, препотѣп-
ныя птички съ большими головами
и съ тупыми носами, но онѣ ка-
зались намъ прекрасными, и мы
любили ихъ отъ всей души. Теперь
и для меня, и для ихъ матери
настали дни труда: мы оба должны
были ихъ выкармливать, а это
было дѣло далеко нелегкое, такъ
какъ птенцовъ у насъ было ше-
стеро, всѣ они съ утра и до вече-
ра готовы были ѣсть, а насъ было
всего только двое и мы должны
были добывать для нихъ ѣду. Но
тамъ, гдѣ въ семьѣ любовь и ладъ,
— все идетъ какъ-то само собою,—
и мы и не замѣтили, какъ про-
летѣлъ мѣсяцъ и изъ нашихъ
ребятъ выросли взрослые не-
разлучки.

— Ну, теперь можете улетать и
устроить свою жизнь, какъ вамъ
удобно, обратилась къ нимъ мать.
— Мы исполнили свой долгъ и
должны отдохнуть. Теперь надо
порѣзвиться и намъ!

Дѣти улетѣли отъ насъ, а я и
жена опять зажили прежней ве-
селой жизнью, опять летали въ
стаѣ на водопой и въ поле на про-
кормъ и въ жаркіе полдни сидѣли
парочками на вѣткахъ и радова-
лись солнцу, воздуху, небу и вѣ-
ду.

терку и всему тому, что создали для нас Господь.

А затѣмъ съ нами случилось большое несчастье: насъ поймать челоѣкъ. Онъ разставилъ громадную сѣтку, насыпалъ зеренъ, а мы были такъ доѣрчивы, что подумали, что это онъ сдѣлалъ, чтобы повкусить насъ накормить, и поймавъ. Боже мой, какъ мы бились, чтобы высвободиться изъ сѣти, какъ мы обманывали себѣ перья и какой ужасъ испытывали при одной только мысли, что лишились свободы навсегда! Мы тщетно пробивались въ сѣти часовъ около двухъ, а затѣмъ пришелъ челоѣкъ и, увидавъ, что мы уже ослабли настолько, что опустили крылья и разинули рты, обрадовался и воскликнулъ:

— Ага! Поймались! Да какъ много!

И, побѣжавъ обратно, онъ привелъ съ собою еще двухъ челоѣкъ, которые принесли большую кѣтку. Насъ хватали изъ сѣти прямо руками и сажали въ кѣтку. Отъ страха я не зналъ, что дѣлать. Всѣ мои мысли были только о моей подругѣ, я боялся съ ней разстаться и только и думалъ о томъ, какъ-бы быть съ ней рядомъ.

— Будь поближе ко мнѣ, шепнулъ я ей. — Не отбивайся отъ меня. Прижмись ко мнѣ тѣснѣе.

Слава Богу, мы попали въ кѣтку вмѣстѣ. Насъ оказалось въ ней

нѣсколько сотъ. Такъ велика была кѣтка. Но намъ въ ней было тѣсно, мы не могли уже летать и сидѣли въ ней всѣ рядомъ, плотно прижавшись одинъ къ другому, на жердочкахъ, которыя были сдѣланы одна надъ другой, такъ что было похоже на то, будто каждый задній рядъ выглядываетъ изъ-за передняго, точно зрители въ театрѣ. Затѣмъ насъ отнесли на берегъ, погрузили на пароходъ и повезли въ невѣдомое край. Мы видѣли надъ собой одно только небо, слышали, какъ все время шумѣли волны и какъ гдѣ-то далеко внизу, въ машинѣ, противно стучалъ винтъ. Отъ качки я чувствовалъ себя нехорошо, а моя подруга все время сидѣла рядомъ со мной, засунувъ голову подъ крыло, и ничего не ѣла. Это ставило меня страдать.

— Ты больна? спрашивалъ я ее съ безпокойствомъ. — Тебѣ не хорошо?

Но она старалась меня успокоить и отвѣчала:

— Нѣтъ, ничего... я такъ...

Цѣлые два мѣсяца плыли мы на пароходѣ. Многие изъ насъ погибли и мнѣ страшно было за себя и за свою подругу, какъ-бы не пришлось осиротѣть кому-нибудь изъ насъ двоихъ. Что бы я тогда дѣлалъ? Что бы дѣлала безъ меня она? Мы оба съ тоской смотрѣли на оставшихся въ живыхъ супруговъ, которые были теперь одни

и осуждены были на грустное вдовство.

Насъ привезли въ Европу и выгрузили въ Марсель. Тотчасъ же появилось много покупателей, которые приобрѣтали насъ десятками, расаживали въ небольшія кѣтки и увозили въ разныя стороны. Насъ купила какая-то дама только двоихъ и увезла къ себѣ въ имѣние, находившееся въ глубинѣ материка. Какими страшными показались намъ шумъ большого города, трескотни локомотива по мостовымъ и затѣмъ громыканье вагона!

— Господи! вздыхала моя супруга. — Да когда же наконецъ кончится это утомительное путешествіе? Когда наконецъ мы приѣдемъ?

Мы приѣхали въ имѣніе нашей новой хозяйки рано утромъ. Свѣтило солнце, но уже далеко не такое ласковое, какъ у насъ на родинѣ въ Австраліи, и было такъ свѣжо, что мы дрожали. Хозяйка вошла къ себѣ въ домъ, гдѣ одна изъ комнатъ была вся стеклянная, какъ оранжерея, и вся была уставлена пальмами, — и выпустила насъ изъ кѣтки.

— Летайте на свободѣ! сказала она.

Но за эти два мѣсяца мы такъ уже разучились летать, что я упалъ на полъ и расшибъ себѣ грудь. Она подняла меня, посадила на вѣтку и я долго на ней прохворалъ. Но затѣмъ все обо-

шлось благополучно и для насъ потекла сравнительно сносная жизнь. Мы летали на свободѣ, имѣли много свѣта и достаточно корма, намъ вдвоемъ было нескучно и я даже сталъ ѣсть. Такъ мы прожили съ полгода, вспоминая съ грустью о своей далекой родинѣ.

Попугайчикъ-неразлучка.

Затѣмъ моя подруга снесла шесть яичекъ и высидѣла изъ нихъ птенцовъ. Это были очаровательныя птички. Мы воспитывали ихъ уже не съ такимъ трудомъ, какъ на родинѣ въ Австраліи. Тамъ нужно было летать далеко за кормомъ и за водой, а здѣсь все было подѣ

рукой, и такъ было скучно безъ движенія! И я жена рассказывали имъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекли лучшіе годы нашей жизни, но онѣ родились въ неволѣ, подлѣ сѣрымъ небомъ и въ оранжереѣ, и совершенно не понимали того, о чемъ мы имъ говорили. Мы рассказывали имъ объ удивительномъ австралийскомъ солнцѣ, о свободныхъ полетахъ за десятки верстъ, о громадныхъ стадахъ нашихъ родичей, а они слушали насъ съ удивленіемъ и лучше этой оранжереи для нихъ, казалось, не могло быть ничего.

Кто-то запустилъ въ нашу оранжерею камнемъ, зазвенѣли стекла и посыпались въ осколкахъ на полъ. Мы испугались и забились въ уголокъ.

— Что-бы это могло быть? спросила меня жена.

Но я не могъ ей отвѣтить. Въ образовавшееся отверстіе на меня вдругъ потянуло свѣжимъ воздухомъ, сердце во мнѣ забилось, мнѣ вдругъ неудержимо захотѣлось свободы и я захопалъ крыльями и радостно защебеталъ.

— Знаешь, что? обратился я къ ней. — Давай бѣжимъ! Теперь или никогда!

Мы оба подлетѣли къ отверстию, заглянули въ него и не безъ страха вылетѣли на волю. Свѣтило солнце, было тепло, кругомъ зеленѣли рощи и поля и немного было похоже на нашу родину. Господи, съ какимъ

восторгомъ мы почувствовали себя въ волнахъ воздушнаго океана, съ какою безграничною радостью мы вдохнули въ себя свободный воздухъ и приветствовали эти поля, рѣчку и лѣса! Только тотъ, кто безвинно сидѣлъ въ тюрьмѣ, и можетъ понять наше счастье свободы.

Съ веселымъ пискомъ мы полетѣли черезъ усадьбу, черезъ засѣянные поля, черезъ лугъ и очутились наконецъ на опушкѣ лѣса.

— Здѣсь мы поселимся, сказала моя подруга. — Здѣсь точнѣе-точнѣе какъ у насъ на родинѣ.

Мы нашли себѣ дупло въ деревѣ, поселились въ немъ, и не прошло еще и двухъ дней, какъ я уже сидѣлъ рядомъ со своей подругой на вѣточкѣ у входа въ это дупло и радостно распѣвалъ. Я былъ счастливъ и доволенъ.

Но судьбѣ было угодно рѣшить иначе.

Дни стали становиться почему-то все короче и короче, стали обнажаться деревья, задулъ холодный вѣтеръ и потянулось унылая, дождливая осень. Мы едва могли согрѣться въ своемъ дуплѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Потомъ залетали въ воздухъ бѣлые мухи и вся земля покрылась какимъ-то удивительнымъ, бѣлымъ, пушистымъ ковромъ. Теперь мы уже не знали, какъ и согрѣться. Къ холоду прибавился и голодъ. Намъ нечего было ѣсть. По цѣлымъ днямъ мы сидѣли безъ ѣды,

полевывая только замерзшія почки деревьевъ, и я съ ужасомъ замѣчалъ, какъ худѣла и ослабѣвала моя жена. Добывать тепла и ѣды было необходимо но что-бы то ни стало.

— Ты посиди здѣсь и подожди меня, обратился я къ подругѣ. — Не высовывайся изъ дупла. Быть можетъ, я принесу тебѣ чего-нибудь поѣсть.

И я полетѣлъ разыскивать ѣду. Но все мои старанія оказались тщетными. То, что случилось мнѣ найтти, у меня тотчасъ же отби-вали воробы, я не могъ съ ними сладить и, озябшій и голодный, долженъ былъ возвратиться обратно. Но какъ я вернусь, думалъ я, — безъ зернышка для жены! Вѣдь она тоже хочетъ ѣсть и озябла!

Съ полноты я повернулъ въ сторону и полетѣлъ, куда глядѣли мои глаза. Морозъ крѣпчалъ и всѣ деревья были бѣлыя отъ инея. У меня озябли ланки, и я еле двигалъ крыльями. Но вотъ я увидѣлъ какую-то другую усадьбу съ большимъ бѣлымъ барскимъ домомъ и со множествомъ службъ, тѣснившихся на заднемъ дворѣ.

— Неужели я здѣсь не достану ничего? подумалъ я.

Подлетѣвъ къ дому, я замѣтилъ, что въ одномъ изъ его оконъ была открыта форточка для провѣтриванія. Я заглянулъ въ нее. Ахъ, какимъ приятнымъ тепломъ по-няло на меня изъ нея! На боль-

помѣ столѣ стояла еще неубранная посуда, очевидно, послѣ обѣда и по бѣлой скатерти были въ изобиліи разсыпаны крошки хлѣба. Крошки, крошки! Какъ давно я вѣсь не видалъ!

Я осмѣлился, влетѣлъ въ столовую, прыгнулъ на столъ и сталъ алчно клевать. Наклевавшись вдоволь для себя, я сталъ клевать еще и для супруги. Изъ сосѣдней комнаты слышались голоса, кто-то смѣялся, гдѣ-то, еще далѣе, на чемъ-то играли, но голодъ заставилъ меня позабыть обо всемъ и я все клевалъ и клевалъ. А затѣмъ я снова выпорхнулъ черезъ ту-же форточку и полетѣлъ обратно къ своей женѣ.

На слѣдующій день, въ тотъ-же самый часъ, мы уже оба были около этой усадьбы. Тотчасъ-же послѣ обѣда была опять открыта въ столовой та-же самая форточка, мы оба влетѣли въ нее и принялись за ѣду. Крошекъ на скатерти было вдоволь. Какъ вдругъ послышались чьи-то шаги и въ столовую вошла горничная. Увидѣвъ насъ прямо на скатерти, она всплеснула руками и закричала:

— Барышня, барышня! Идите-ка сюда скорѣй!

Мы оба испугались и стремглавъ бросились къ форточкѣ. Моей супругѣ удалось вылетѣть черезъ нее на воздухъ, но я обчелся разстояніемъ и ударился грудью прямо въ сосѣднее стекло. Голова

— До свиданія! Счастливаго пути!

— Эта птичка издохнетъ! Видь это — неразлучка! Неразлучки всегда живутъ парочками и одинъ безъ другого умираютъ!

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? спросила дѣвочка.

— А ты поставь въ клѣтку зеркало! посоветовалъ ей дядя.

Онъ ушелъ, а она достала откуда-то кусокъ зеркальца и поставила его ко мнѣ въ клѣтку. Я увидалъ въ немъ свое изображеніе, подумалъ, что это выпустили ко мнѣ мою подругу, и тѣсно прижался къ ней плечомъ. Чѣмъ тѣснѣе я прижимался къ зеркальцу, тѣмъ тѣснѣе прижималось ко мнѣ и мое изображеніе. Я былъ вѣкъ себя отъ радости. Но эта моя отражавшаяся подруга какъ-то сразу ко мнѣ перемѣнилась: она не разговаривала со мной, ей плечо было холодное и не согревалось меня, я догадывался, что здѣсь была какая-то ошибка, но самая мысль, что рядомъ со мной, хотя и въ зеркалѣ, была моя подруга, наполняла мое сердце радостью; я уже не отходилъ отъ зеркала и цѣлые часы оставался около него, прижавшись къ своему изображенію. О томъ, что это было только изображеніе и больше ничего, я догадался очень скоро. Моя клѣтка стояла на томъ-же самомъ окнѣ въ столовой, гдѣ меня и поймали. Я сидѣлъ у зеркала и думалъ о своей родинѣ, какъ вдругъ кто-то забился по ту

сторону окна у стекла. Я взглянулъ, да такъ и обомлѣлъ отъ восторга: это была моя настоящая подруга! Она прилетѣла ко мнѣ, она билась въ стекло, чтобы пробраться ко мнѣ, чтобы раздѣлить со мною мою участь.

— Сюда! Скорѣй! закричалъ я по-своему изъ всѣхъ силъ. — Отприте поскорѣе окошко! Впустите ее скорѣй сюда!

Должно быть, я кричалъ такъ авонко, что это удивило даже мою маленькую хозяйку. Дѣвочка и горничная вбѣжали ко мнѣ и стали меня оглядывать со всѣхъ сторонъ. Моя подруга испугалась ихъ и улетѣла.

— Чего ты пищешь? обратился ко мнѣ дѣвочка.

— Это она обрадовалась солнцу, сказала горничная. — Значитъ, скоро будетъ весна.

Онѣ постояли еще около меня и ушли.

Съ тѣхъ поръ моя подруга стала прилетать ко мнѣ каждый день. Она садилась на желѣзкѣ по ту сторону окна и махала мнѣ крылышками, а я звонко кричалъ ей изъ моей тюрьмы, точно она могла меня услышать черезъ окно.

А затѣмъ случилась безмѣрная радость. Какъ-то пришли къ намъ полотеры и стали натирать въ столовой полъ. Они отворили форточку и меня обдувало сквознымъ вѣтромъ. Я ежился, прыгалъ съ жердочки на жердочку и никакъ

не мог согреться. И вдруг ко мне через форточку влетела моя подруга и села ко мне на клетку.

— Здравствуй! сказала она.

Я думала, что умру от радости. Я забыла обо всем и весело защебетала. Я стала биться о прутья клетки, но они были кривы, и я не могла вылететь на свободу. Моя гостя также не могла попасть ко мне в клетку. После долгих стараний, оба без ума от радости, мы прижались через прутья клетки один к другому и стали цѣловаться.

— Гдѣ ты все это время была? спрашивала я ее.—Какъ ты не погибла отъ холода и безъ ѣды?

Она рассказывала мнѣ, какъ, разставшись со мной, долго не могла успокоиться и какъ влетѣла потомъ въ конюшню и прожила все это время около лошадей. Но какъ мы оба перемѣнились! Она была худая и безъ многихъ перьевъ, а я былъ грязный и у меня не было уже хвоста. Какъ неволя портитъ живныя существа! После тропическаго австраійскаго лѣта—и вдругъ въ конюшню и въ клетку!

Никто не замѣтилъ, какъ ко мне прилетѣла моя подруга! Полотеры сдѣлали свое дѣло и уши, горничная затворила форточку, а мы сидѣли прижавшись другъ къ другу—я въ клеткѣ, а моя подруга снаружи, и мнѣ уже и въ голову не приходило поглядѣться

на себя въ зеркало. Затѣмъ пришла моя маленькая хозяйка. Увидѣвъ насъ вдвоемъ, она всплеснула руками, вскрикнула и побѣжала въ сосѣднюю комнату.

— Идите сюда скорѣй! Закричала она изъ всѣхъ силъ.—Посмотрите сюда! Въмѣсто одной птички—у меня теперь ихъ двѣ!

Съ того времени, какъ были полотеры, прошло уже часа два, и появленіе въ столовой моей подруги дѣйствительно могло показаться чудомъ. Всѣ обѣжались, съ удивленіемъ стали оглядывать меня и мою подругу, дѣлали предположенія и кончилось дѣло тѣмъ, что и ее посадили ко мнѣ въ клетку. Теперь для меня страданія убавились наполовину: она была со мной, была сыта, мы опять были вмѣстѣ, но я не могъ не замѣтить, что здоровье ее пошатнулось. Она скоро потеряла свой хвостъ, стала нахохливаться и прятать голову подъ крыло. Я со страхомъ оглядывалъ ее, но что могъ я сдѣлать въ клеткѣ и на чужбинѣ, гдѣ невозможно было полетать и расправить себѣ крылья и гдѣ было такъ холодно на воздухѣ, что можно было замерзнуть?

— Какъ мнѣ хочется туда!.. вздохнула разъ моя супруга.

— Куда? спросилъ я ее съ безпокойствомъ.

— Домой... Къ себѣ на родину...

Мнѣ и самому хотѣлось домой. О, сколько бы я далъ, чтобы только

сломать эти равнодушные, безжалостныя прутья моей клетки и улетѣть куда-нибудь далеко-далеко, гдѣ-бы хоть немного было похоже на нашу австраійскую жизнь!

Прошли три мѣсяца, въ которые поздно разсвѣтало и рано начинало темнѣть, а затѣмъ наступила весна. Засвѣтило ярче солнце, стали таять снѣгъ, побѣжали ручьи и самое это весеннее настроеніе въ природѣ передалось и намъ и мы весело защебетали.

— Хотятъ на волю!.. сказала горничная.—Наступаетъ весна! Всякая тварь радуется.

Прошелъ еще мѣсяцъ и въ полисадникъ передъ моимъ окошкомъ показалась травка и на деревьяхъ стали бухнуть и распускаться почки. Вмѣстѣ съ дыханіемъ весны засуетились и люди. Послышалось мычаніе скота, заиграли рожокъ пастуха, работники стали налаживать земледѣльческія орудія и телеги. А у насъ, въ домѣ, тоже захолопотали. Дѣвушка-горничная и лакей вытащили откуда-то сундуки и чемоданы, стали въ нихъ укладывать различную одежду, моя маленькая хозяйка и ее мать просто сбились съ ногъ, собираясь куда-то въ дорогу, а я и моя подруга, радуясь теплу и солнцу, старались перекричать всѣхъ своимъ щебетаньемъ и пискотомъ.

— Теперь уже скоро! говорила

намъ наша хозяйка.—Потерпите еще немного, а потомъ...

Но она не договаривала, что именно должно было послѣдовать „потомъ“, а мы не догадывались.

Но вотъ уже насталъ день отъѣзда. У крыльца стоитъ экипажъ и побрикнуваетъ бубенчиками. Горничная и лакей выносятъ вещи. Наша маленькая хозяйка и ее мать, уже одѣтыя въ дорогу, обходятъ всѣ комнаты и отдаютъ послѣднія приказанія.

— Такъ вы пишете-же намъ аккуратно! говорила мать лакею.—Какъ только мы приѣдемъ въ Италію, такъ я тотчасъ-же пришлю вамъ телеграмму. Берегите птичекъ.

— Какъ, мама? восклицаетъ вдругъ дѣвочка.—Развѣ мы не возьмемъ птичекъ съ собою?

И, не дожидаясь ея отвѣта, она подходитъ къ окну, беретъ нашу клетку вмѣстѣ съ нами и выноситъ насъ на воздухъ. Мать ей не возражаетъ. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ мы вдохнули въ себя свѣжій, чистый, весенній воздухъ! Какъ мнѣ захотѣлось вдругъ полетать, расправить крылья, посидѣть на зеленыхъ вѣтвяхъ деревьевъ!

Затѣмъ экипажъ трогается, мы ѣдемъ на станцію желѣзной дороги и мнѣ и моей супругѣ страшно, что наша клетка качается и что мы никакъ не можемъ удержаться на жердочкѣ.

— Напрасно ты ихъ съ собой везешь! говорить дѣвочкѣ мать.— Видь они тебя стѣсняютъ!

Нѣсколько сутокъ въ душномъ вагонѣ, затѣмъ Италия. Чудный климатъ, кипарисы, магноліи, цѣлѣбная глинцѣи и ровы, издали доносится ласковый прибой морскихъ волнъ и надъ головою голубое, прекрасное небо, точно такое-же, какъ и у насъ въ Австраліи. Дѣвочка выноситъ насъ въ садъ, ставитъ нашу кѣтку на диванчикъ около розоваго куста и отворяетъ дверцу.

— Летите! говорить она намъ.— Вы свободны! Теперь вы можете летать вездѣ!

Но мы не вѣрили своему счастью и въ то же время не довѣрили своимъ крыльямъ. Мы такъ долго протомились въ неволѣ!

— Вылетайте же! продолжаетъ дѣвочка.— Чего бонтеся! Здѣсь никогда не бываетъ зимы!

Мы оба выпорхнули изъ кѣтки и едва имѣли силъ долетѣть до перваго дерева. Безграничное счастье свободы охватило насъ цѣлкомъ, мы радостно засвистали, ващебетали и стали расправлять себѣ крылья. Затѣмъ мы стали перепрыгивать съ вѣтки на вѣтку, пока не набрались достаточно силъ, и все время дѣвочка стояла около кѣтки и смотрѣла въ нашу сторону. Потерявъ наконецъ насъ изъ виду, она оставила кѣтку на диванчикѣ и ушла къ себѣ въ гостиницу.

Мы попрыгали еще немного въ вѣтвяхъ дерева и затѣмъ полетѣли далеко. Съ какимъ восторгомъ мы понеслись по безграничнымъ воздушнымъ волнамъ, утопая въ голубой синевѣ воздуха и радуясь своему счастью!

Я не помню, какъ мы провели остатокъ того дня и нашу первую ночь на волѣ. Это было какое-то удивительное счастье, которому не было границъ и отъ котораго все смѣшалось въ нашемъ представленіи. Я помню только, что спустя некоторое время насъ куда-то потянуло еще южнѣе, что-то подсказывало намъ, что тамъ, дальше для насъ будетъ еще лучше, и мы все летѣли и летѣли на югъ, вѣдь увидѣли наконецъ подъ собою громадное Средиземное море. Вотъ ужъ и Алжиръ съ его бѣлыми, какъ свѣтъ, селеніями, вотъ ужъ Марокко и какія-то горы, и мы все летѣли и летѣли и остановились только тогда, когда увидѣли себя уже въ тропическомъ лѣсу. Высоко, подъ самымъ небомъ, шелестятъ листовыя пальмы, съ великолѣпныхъ деревьевъ спускаются лианы, въ вѣтвяхъ шумятъ обезьяны и летаютъ попугаи, какіе-то диовинные звѣри ходятъ внизу и мирно щиплютъ траву.

— Давай остановимся здѣсь, обращается ко мнѣ жена.— Кажется, здѣсь намъ будетъ хорошо.

Мы опускаемся и садимся на вѣтку какого-то дерева. Никто

замѣчаетъ нашего появленія, каждое изъ животныхъ и изъ птицъ занято своимъ счастьемъ и никому изъ нихъ нѣтъ дѣла ни до кого. Мы выбираемъ себѣ на опушкѣ дерево около такого-же поля, какъ и у насъ въ Австраліи, и начинаемъ долбить себѣ дупло.

Здравствуй, новая родина! Какова-то будетъ теперь наша жизнь?

Что-то подсказываетъ намъ, что здѣсь намъ будетъ хорошо и что счастье и радость ожидаютъ насъ впереди. Но сколько-бы мы дали, чтобы только почувтисъ сейчасъ въ Австраліи и быть тамъ, гдѣ протекли наши дѣтство и гдѣ теперь цѣлыми стадами летали также попугайчики-неразлучки, какъ и мы!

С. Вершининъ.

НА ДАЧѢ.

Какъ хорошо и какъ привольно
Гулять по полю и въ лѣсахъ,
Какъ пѣсня жаворонка вольно
Звучитъ въ безбрежныхъ небесахъ!

Жужжатъ жуки, летаютъ мушки,
Настала милая весна,
Была гроза, кричатъ лягушки
И зацвѣтаетъ бузина.

Теперь не страшны намъ метели
И бури сѣверной зимы,
Къ намъ птицы съ юга прилетѣли,
Ужъ цѣлый день гуляемъ мы!..

Ж. С.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Рассказъ моей прабабушки.

(Продолженіе).

Итакъ,—Ольдкорты уѣхали въ теплые края и ихъ усадьба Прери опустѣла. Неожиданность ихъ отъѣзда, конечно, больше всего разочаровала меня, такъ какъ, познакомившись съ г-жей Ольдкортъ, я

разсчитывала у нея бывать. Когда я плакала по этому поводу, то папа сказалъ:

— Я очень радъ, что это такъ случилось. Ни къ чему такъ легко человѣкъ не привыкаетъ, какъ

Молоденькій пингвинъ.

Маленькій поваръ.

къ подаркамъ и къ роскоши. А въ Прери ты навѣрное получала-бы подарки и привыкала-бы къ богатству.

А затѣмъ я слышала, какъ мама и папа долго высчитывали по пальцамъ, когда именно Ольдкортъ провелъ зиму въ теплыхъ краяхъ и когда въ Лондонѣ. Они всегда убѣждали куда-нибудь на зиму, но не такъ сразу, какъ теперь. Мама настаивала на томъ, что семь лѣтъ тому назадъ они тоже убѣжали въ Италию, а папа, наоборотъ, доказывалъ, что въ Лондонѣ.

— Ну, что ты меня оспариваешь! возразила мама. — Подумай-ка хорошенько! Еще тогда около нашихъ развалинъ ты поднялъ какого-то человѣка въ безсознательномъ состояніи!

— Ахъ, да, да! согласился и папа. — Я это припоминаю! Онъ еще такъ настаивалъ на томъ, чтобы повидаться съ Ольдкортъ и такъ былъ огорченъ, что ихъ уже не застали... Онъ такъ крѣпко, помню, прижималъ къ себѣ своего ребеночка...

— Какого ребеночка? вѣдалась я въ ихъ разговоръ.

— Да это, Сонечка, было уже давно, отвѣтила мама, — еще семь лѣтъ тому назадъ! Ты тогда еще была мала!

Но увидѣвъ, что ее окружили уже всѣ мы, заинтересовавшись этой исторіей, она продолжала:

— Вотъ какъ было дѣло. Мы съ

папой сидѣли дома и читали библію. Стояла зима, и на дворѣ была такая снѣжная вьюга, что нельзя было высунуть носа изъ двери. Какъ вдругъ я услышала какой-то голосъ. Онъ донесся до насъ отъ развалинъ. — «Оливеръ, обратилась я къ папѣ, — вѣдь это кто-то зоветъ на помощь!» Онъ прислушался и отвѣтилъ: — «Это, Фреда, тебѣ такъ показалось. Ну, кому охота такъ поздно ночью и въ такую метель ходить около развалинъ?» Но я не успокоилась. Въ всѣ уже спали, можно было-бы послать къ развалинамъ Вольфа, но мнѣ было жалъ его будить. Какъ вдругъ слышны о помощи послышался опять. На этотъ разъ уже вадрогнулъ и вашъ папа. — «Да, это кто-то зоветъ на помощь!»

— «Это около самыхъ развалинъ!» И какъ я его ни удерживала, онъ вскакивалъ, зажегъ фонарь, одѣлъ плащъ и одинъ, безъ шапки, выскочилъ на воздухъ. — «Оливеръ, вернись, вернись!» закричала я ему вслѣдъ, но онъ такъ и исчезъ въ ночной темнотѣ. Ну, а теперь, что было дальше, расскажетъ вамъ уже самъ папа!»

Папа откашлялся и продолжалъ: — Я выбѣжалъ на воздухъ. Вѣтеръ такъ меня и подхватилъ и погналъ вмѣстѣ со снѣгомъ. Гудѣли голыя деревья. Было такъ темно, что если-бъ не фонарь, то можно было-бы наткнуться на ка-

кой-нибудь столбъ или заборъ. Я бѣжалъ къ развалинамъ и все время въ нихъ слышался чей-то призывный стонъ. Сначала я думалъ, что это волкъ, но потомъ убѣдился, что это кричатъ человѣки. Я поспѣшилъ. Помню еще, — у меня за голенище сапога насыпался снѣгъ и мнѣ было холодно. Подхожу къ развалинамъ и вдругъ, у самой вѣшиней ихъ стѣны, какъ разъ почти около того мѣста, гдѣ Соня нашла кубокъ, вижу при свѣтѣ фонаря какой-то темный предметъ. Я наклоняюсь и ошупываю его. Это — человѣкъ. — «Очнитесь!» говорю я ему. — «Что съ вами? Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь?» Онъ что-то лепечетъ мнѣ въ отвѣтъ на французскомъ языкѣ. — «Вы сбились съ пути!» говорю я ему. — «Вѣдь дорога не здѣсь! Она осталась много правѣе!» Тогда онъ поднимается и отвѣчаетъ мнѣ на чистомъ французскомъ языкѣ: — «Я иностранецъ. Я здѣсь чужой. При мнѣ моя сиротка — дочь. Вотъ она. Возьмите ее, иначе она замерзнетъ вмѣстѣ со мною!» И онъ протянулъ ко мнѣ ребеночка, лѣтъ двухъ, который не то крѣпко спалъ не то уже замерзъ. Я схватилъ ребеночка и побѣжалъ съ нимъ домой. А теперь продолжай, Фреда, ты!»

Мама, которая всегда была чувствительна, отерла кончикомъ ченца навернувшіеся слезы.

— Когда вашъ папа вернулся

домой со своей драгоценной ношей на рукахъ, продолжала она, — то я даже окаменѣла отъ испуга. — «Возьми поскорѣе ее и отогрѣй», крикнулъ онъ мнѣ, — «а я пойду за ее отцомъ!» Онъ сунулъ мнѣ въ руки какой-то узелъ, а самъ, разбудивши работника Митчелъ, снова убѣжалъ съ нимъ къ развалинамъ. Скоро они вернулись обратно и внесли вотъ въ эту самую комнату какого-то незнакомца полузамерзшаго человѣка. Пока они хлопотали надъ нимъ, я занялась ребеночкомъ. Дѣвочкѣ было не больше двухъ лѣтъ. Ахъ, какое это было прелестное дитя! Точно ангелочекъ! Она оказалась совершенно невредимой и когда я ее разбудила, то она весело мнѣ заулыбалась. А тѣмъ временемъ пришелъ изъ себя и ея отецъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что это былъ французъ, потому что онъ говорилъ только по-французски. — «Кто вы?» спросилъ его вашъ папа. Но тутъ, Оливеръ, ты самъ можешь рассказать дѣтямъ гораздо лучше, чѣмъ я!»

— «Кто вы?» спросилъ я у этого незнакомца по-французски, началъ папа. — Онъ мнѣ отвѣтилъ: — «Я голодный, я давно уже не ѣлъ, дайте намъ поѣсть!» Когда ваша мама накормила его и напоила его дочь молочкомъ, то я снова спросилъ его, кто онъ? Но онъ помялся и отвѣтилъ: — «Мнѣ совѣстно, что на ваше довѣріе и

отвѣчу вамъ скрытною. Но я обязанъ это сдѣлать. Я не скажу вамъ, кто я такой, такъ какъ это можетъ лишить мою дочь ея богатства.* Онъ весь былъ въ лохмотьяхъ и эти его слова показались мнѣ странными.—«О какомъ богатствѣ вы говорите?» спросилъ я его.—«О моемъ собственномъ»,—отвѣтилъ онъ.—«Если я сейчасъ открою вамъ, кто я такой, и если объ этомъ кромѣ васъ узнаетъ еще кто-нибудь и другой, то меня схватятъ и посадятъ въ тюрьму, а мою дочь лишатъ наслѣдства». Я посмотрѣлъ на него и мнѣ показалось, что онъ могъ быть сумасшедшимъ или бредить.—«Почему вы оказались въ нашихъ краяхъ?» спросилъ я его.—«Мнѣ нужно было повидаться съ Джемсомъ Ольдкортомъ и его женой»,—отвѣтилъ онъ,—и передать имъ одну вещь, которая сдѣлала-бы мою дочь богатой. Я самъ нищъ и много выстрадалъ и мнѣ стало жалко мою дочь, которая неповинна ни въ чемъ и принуждена раздѣлять со мною мою бѣдность. Мнѣ это тяжело...» — «Но вѣдь Ольдкортъ уѣхалъ съ женой въ Итацію»,—продолжалъ я,—«не желаете-ли вы, чтобы я передалъ ему эту вещь, когда онъ вернется?» Но французъ вздохнулъ и грустно отвѣтилъ:—«Сейчасъ этой вещи уже со мной нѣтъ!» Я ничего не могъ понять и пересталъ его спрашивать. Онъ показался мнѣ

ненормальнымъ. И мнѣ, и вашей мамѣ стало жалко его маленькую дочурку и мы оба сказали: — «Оставьте намъ нашего дитя, мы его будемъ любить и ласкать!» Но онъ отвѣтилъ:—«Не могу; она для меня все; безъ нея я умру; она во всемъ напоминаетъ мнѣ свою покойную мать». Затѣмъ онъ сталъ собираться въ путь.—«Куда же вы?» спросилъ я его.—«Останьтесь, переночуйте у насъ до утра!» Но онъ объ этомъ не хотѣлъ и слышать.—«Нѣтъ, благодарю васъ»,—отвѣтилъ онъ.—«Мнѣ надо бѣжать. Надо мною тяготѣть приговоръ и если узнаютъ, что я былъ у васъ, то достанется и вамъ. Умоляю васъ, не говорите никому, что я у васъ былъ! Общайтесь мнѣ это ради Всевышняго Творца!» Мы пообѣщали, онъ взялъ ребенка и ушелъ,—и съ тѣхъ поръ мы его не видали. Кто былъ этотъ таинственный посѣтитель, такъ мы и не узнали ничего. Но мы обещали ему молчать и вотъ скрыли это даже отъ васъ...»

— Ну, и что-же было потомъ? спросила я, заинтересованная всей этой исторіей.

— Да ровно ничего, отвѣтилъ отецъ.—На слѣдующее утро я сходилъ въ усадьбу Прери и стороной и намеками сталъ разспрашивать у привратника. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что вчера вечеромъ дѣйствительно приходилъ туда какой-то оборванецъ съ ребенкомъ на

рукахъ и попросилъ, чтобы о немъ доложили Ольдкорту. Когда привратникъ сообщилъ ему, что Ольдкортъ съ женой уѣхали въ Итацію, то онъ такъ разстроился, что даже заплакалъ. Затѣмъ онъ направился въ сторону развалинъ и больше его привратникъ уже не видалъ.

— А ты рассказывала потомъ объ этомъ Ольдкорту? спросилъ папу Вольфъ.—Ты ходилъ къ нему, когда онъ возвратился потомъ изъ Итацію?

— Ну, конечно! отвѣтилъ папа.—Я сходилъ къ нему тогда-же и сказалъ ему, что безъ него приходилъ здѣсь какой-то неизвѣстный человѣкъ съ дѣвочкой, который очень ждалъ его видѣть.

— Ну, и что-же Ольдкортъ?

— Онъ отвѣтилъ, что никакого такого человѣка не знаетъ.

— Но вѣдь ты рассказывалъ ему про богатства и про какую-то вещь, которую этотъ незнакомецъ хотѣлъ ему передать.

— Какъ-же я могъ рассказать ему объ этомъ, отвѣтилъ папа,—когда я и ваша мать дали ему обещаніе обо всемъ молчать?

Мы были неудовлетворены этимъ отвѣтомъ и, недовольные, отправились спать; было уже поздно и, какъ и тогда, дулъ зимній вѣтеръ и шелъ снѣгъ. Но я еще долго лежала подъ одеяломъ и думала объ этомъ иностранцѣ и его ребенкѣ.

«Кто-бы это могъ быть?» подумала я.

«И почему этотъ человѣкъ не захотѣлъ себя назвать?»

Но время и разныя домашнія занятія сдѣлали свое дѣло, и я скоро забыла обо всемъ.

Прошли двѣ недѣли, въ которыя еще прочіе установилась зима. Она была въ тотъ годъ какъ-то необыкновенно жестока. Морозы крѣпчали съ каждымъ днемъ. Вѣ деревья были въ иней. Каждое утро выходило багровое солнце и такимъ-же багровымъ и заходило въ три часа дня. Было жалъ смотрѣть на бѣдныхъ воробьевъ и синицъ, нахохлившись отъ стужи и просившихъ у нашихъ окошекъ. Отъ сильныхъ морозовъ стѣны развалинъ трескались и изъ нихъ сами собой стали вываливаться камни. Папа запретилъ намъ близко подходить къ нимъ, да все равно это было и невозможно, такъ какъ снѣгъ былъ настолько глубокъ, что нельзя было пройти не только черезъ поле, но и по дорогѣ. Какъ на грѣхъ, простудился папа и слегъ. У него былъ такой жаръ, что онъ вскакивалъ въ бреду и дико озирался по сторонамъ. Это насъ всѣхъ пугало и мы, дѣвочки, очень горько плакали вмѣстѣ съ мамой. Затѣмъ папа сталъ сильно кашлять и задыхался при этомъ такъ, что было жалъ и страшно на него смотрѣть. Все въ домѣ приуныло и вечера казались безнадежно-длинными и скучными. Чтобы не беспокоить папу,

который всё вечера проводить в дремоте, мы всё стали собираться в самой дальней комнате и здесь работали и вели свои разговоры. Едва только наступали сумерки и зажигались в доме свечи, как я и сестра-Нелли шли уже в эту комнату, садились в уголок и начинали озябшими пальцами вязать. Дом у нас был старый и холодный, а в эту зиму мы всё положительно дрожали. Тотчас же за нами ткнулись туда же и мальчики. Мы всё, по-детски, начинали ворчать на холод и на то, что наши печи не держали тепла. Больше всех ворчал, конечно, Джим. Он всё был недоволен и готов был ссориться со всеми нами каждую минуту. Он вслух высказывал свое недовольство, громко говорил о притеснениях, которые будто бы испытывал в нашей семье, и жаловался на то, что будто бы мы всё его не любили. Вольф, напротив, в эти дни как-то ушел весь в себя и целыми часами молчал. Было заметно, что его, как старшего в семье, очень беспокоили болтания отца и неизвестное будущее семьи. Маленькие братишки часто дрались и таскали друг друга за волосы и без отца никому было их унять. Вообще болтания отца чувствовалась всё домом и в каждом пустяке. У мамы все время глаза были красны от слез.

В один из таких вечеров, когда мы собрались в этой комнате только четверо старших, Джим сел на угол стола и, болтая ногами, стал с развязностью говорить. Он всегда говорил таким тоном, что мы боялись ему возражать.

— Знаете что, друзья мои? начал он. — Видь дело-то, кажется, плохо. Ваш отец, кажется, того...

Мы всё вздрогнули и насторожились.

— Развѣ ты думаешь, что он уже не поправится? спросила я со страхом.

Сидѣвшій на подоконникѣ Вольф, поднявъ глаза отъ книги и молча уставился на Джима.

— Поэтому-то я и хочу поговорить с вами откровенно, продолжал Джим. — Ну, какой Вольф сельский хозяин? Ему в пору идти только в попу! Где уж тут ему управлять хутором?

— Да ты это о чем? возмущалась я. — Уже не думаешь ли ты отнять этот хутор у Вольфа?

— Отнять я вовсе не думаю, продолжал Джим, — но все-таки было бы лучше решить этот вопрос заранее. — Если бы Вольф отказался от хутора и передал его после смерти нашего отца мне, то я прокормил бы всех вас лучше его. А видь он не сумеет и пустить вас всех по миру...

Вольф встал, закрыл книгу, подошел к Джиму и спокойно сказал:

— Неприлично, Джим, думать имущество отца, когда он еще не умер! Это только может показать, что ты или зл, или же глуп! Я думаю, что последнее.

Джим вскочил и, сжавши кулаки, бросился на Вольфа.

— Ты не смеешь называть меня дураком! воскликнул он.

Я и Нелли кинулись между ними и хотѣли их разнять. Но ссора двоюродных братьев зашла слишком далеко, Вольф не стерпѣлъ и, схватив Джима за шиворот, отшвырнул его далеко от себя на диван. Джим вскочил и снова бросился на Вольфа; Вольф снова отшвырнул его от себя на диван. Я и Нелли стали горько плакать и умолять братьев разойтись. Это была первая ссора в нашем доме и я не могла ей допустить.

— Перестань, Джим! возманила я. — Ты гадкий, злой мальчик! Я не люблю тебя. Ты так и нищ, как бы с кем-нибудь затѣять ссору, или к кому-нибудь придраться! Папа болен, а ты не жалѣешь нас и говоришь такіе ужасныя вещи! Перестань же немедленно, иначе я буду плакать. Я не люблю тебя!

— Ну, так хорошо-же! крикнулъ Джим. — Если вы не любите меня, если я здесь для вас

чужой, то я знаю, как мне поступить! Я знаю, что мне дѣлать!

И он выскочил в переднюю, быстро снял с вѣшалки пальто, надел его и, хлопнув дверью, вышел на улицу.

— Кто это там так хлопает дверью? крикнула из дальней комнаты мама. — Даже стекла звенят!

Мы долго молчали послѣ этого, а потом успокоились и вышли к чаю. Мы тотчас же замѣтили, что мама как-то сразу вдруг повеселѣла. Оказалось, что папѣ полегчало. Кризис миновал благополучно и теперь он должен скоро поправиться. Мы всё обрадовались, бросились к нему в спальню и въ первый раз за все это время, он разговаривал с нами и даже шутил. Но, Боже мой, как он измѣнился! Как он похудѣлъ и как ввалились у него глаза! Мне было жалко на него глядѣть. Но как-бы то ни было, теперь намъ нечего было опасаться: онъ будетъ здоровъ. И весь тотъ вечеръ, до той самой поры, какъ намъ идти ложиться спать, мы были веселы и в нашемъ жилищѣ вновь залетали ангелы благополучія и мира.

— А что же Джимъ не дожидается спать? спросила вдругъ мама, пришедшая по обыкновенію проститься съ нами на ночь. — Гдѣ онъ? Его кровать пуста!

Мы встрепетнулись. Въ самомъ

Въ дождь.

Тамъ, гдѣ была война...

дѣлѣ, гдѣ могъ быть Джимъ? Со времени ссоры прошли уже добрыхъ три часа, а онъ все еще не возвращался. Мы даже о немъ забыли.

— Не беспокойся, мама, отвѣтилъ изъ сосѣдней комнаты Вольфъ, — онъ придетъ. Онъ одѣлся и вышелъ погулять.

— Охъ, улетѣ этотъ Джимъ!.. вздохнула мама. — И все-то у него не такъ, какъ у другихъ! Всѣ люди, какъ люди, одинъ онъ въ колпакѣ! И выдумалъ же на ночь гулять!

Она вышла и мы скоро всѣ заснули. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что Джимъ такъ и не приходилъ. Настало утро, мы сѣли пить чай, а онъ такъ и не возвратился домой.

— Ну, что теперь дѣлать? ужасалась мать. — Гдѣ его искать? Что я теперь скажу вашему отцу?

— Напрасно ты, мама, такъ тревожишься, сказала Вольфъ. — Онъ уже не дитя, ему уже шестнадцать лѣтъ. Нагуляется и придетъ.

Но мы всѣ встревожились и почували недоброе. Въ особенности я боялась, какъ бы объ исчезновеніи Джима не узналъ папа. Это могло бы ему повредить. И каждый часъ мы ожидали, что вотъ-вотъ откроется дверь и изъ ней появится съ виноватой физиономіей Джимъ. Но часы проходили за часами, наступилъ вечеръ, потомъ ночь, потомъ опять утро, —

а онъ такъ и не возвратился. Теперь ясно было, что если онъ гдѣ-нибудь не погибъ, то убѣжалъ. Вольфъ встревожился, сходилъ въ полицію и заявилъ объ его исчезновеніи. Затѣмъ, вечеромъ, мы долго держали съ мамой совѣтъ. Рѣшили ничего папѣ не говорить.

— А тѣмъ временемъ, быть можетъ, Джимъ найдется! сказала Вольфъ. — Нельзя же папу беспокоить! Это можетъ ему повредить!

И пока папа выздоравливалъ, мы не говорили ему ничего. А когда онъ выздоровѣлъ и сталъ уже ходить по всѣмъ комнатамъ, то о Джимѣ все еще не было слышно ничего. Такъ онъ и кануль въ воду, точно иглока. Не смотря на принятые Вольфомъ и мамой мѣры, такъ его нигдѣ и не нашли, и насъ ужасала мысль о томъ, что и какъ мы отвѣтимъ нашему папѣ, когда онъ спроситъ насъ о Джимѣ?

И онъ, наконецъ, догадался, замѣтилъ его отсутствіе и спросилъ: — А что же это я не вижу Джима? Почему онъ ко мнѣ не подойдетъ? Скажите ему, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ!

Мы всѣ такъ и присѣли. Мама смутилась и опустила глаза.

— Не беспокойся, Оливеръ, онъ придетъ... сказала она. — Онъ всегда былъ благодарнымъ, строптивымъ юношей. Онъ придетъ!

— Но что это значитъ? удивился папа. — Почему ты сказала это такимъ страннымъ тономъ?

Почему молчать дѣти? Развѣ съ Джимомъ что-нибудь случилось?

Тутъ мама рассказала папѣ все и разрыдалась. Папа пошатнулся, ухватился за край стола и сѣлъ на первое попавшееся ему кресло.

— О, я несчастный! воскликнулъ онъ и, унавъ лицомъ на столъ, тоже сталъ рыдать.

Мы стояли около нашихъ родителей всѣ и не знали, что дѣлать.

— Я не могу видѣть ихъ слезъ, шепнулъ мнѣ на ухо Вольфъ. — Пойдемъ, Соня, пройдемся!

Мнѣ тоже было тяжело видѣть, какъ плакали отецъ и мать. Сердце мое разрывалось на части.

— Пойдемъ, Вольфъ!.. отвѣтила я брату.

Мы одѣлись и вышли на улицу. Была ночь, шель снѣгъ и во всей природѣ, казалось, было такъ то-скливо, какъ не было еще никогда.

Но тутъ съ нами случилось происшествіе, о которомъ я сообщу въ слѣдующемъ номерѣ этого журнала.

По «The silver flagon» изд. «Chatterbox».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДВѢ СКАЗОЧКИ.

1. Цвѣтокъ, который поетъ.

Король долженъ умереть! Докторъ уже объявилъ, что ничего нельзя подѣлать. Это былъ могущественный король, всѣ средства были уже испробованы и теперь никакія человѣческія усилія не могли ему помочь.

Оставалась только единственная надежда — это на чудо. И едва только докторъ ушелъ отъ своего больного, какъ къ двумъ его сыновьямъ и дочери пришелъ какой-то неизвѣстный дровосѣкъ и сказалъ:

— Я знаю, что въ дремучемъ лѣсу, который окружаетъ со всѣхъ сторонъ ваше королевство, и куда еще не проникала ни одна живая душа, находится растеніе, исцѣляющее отъ всѣхъ болѣзней. Оно называется «цвѣтокъ», который поетъ». Какъ только спускается

ночь и наступаетъ въ лѣсу тишина, этотъ цвѣтокъ начинаетъ пѣть и всѣ лѣсные духи и феи внимаютъ его пѣсни. И если этотъ цвѣтокъ сорвать и принести къ больному, то чѣмъ-бы онъ ни былъ боленъ, онъ тутъ-же выздоровѣетъ.

— Откуда ты это знаешь? — спросилъ его дочь и сыновья короля.

— Я слыпала это отъ фей, отвѣтилъ дровосѣкъ, — которыя не боятся меня и часто ведутъ со мною разговоры. Да къ тому-же и люди, живущіе по ту сторону лѣса, знаютъ объ этомъ чудесномъ цвѣткѣ и въ поискахъ за нимъ уже не мало ихъ погибло.

— Почему-же имъ не удавалось его найти?

— Потому что его охраняютъ волшебныя силы и дѣлаютъ доступъ къ нему невозможнымъ. Онъ обладаетъ способностью превра-

цать в камень всёх, кто осмелился бы отправиться в лес за цветком и обернуть назад голову. Да и самое место, где растут цветы, окружено громадными каменными глыбами. И горе безумцам, дерзнувшим туда проникнуть! Они тотчас же превращаются в эти глыбы!

Но болвань короля была настолько серьезна, что его сыновья рѣшили во что бы то ни стало, хотя бы издалека, отправиться в путь, чтобы отыскать этот удивительный цветок, который пьет. Они похитрили дровосѣку, потому что и сами раньше уже слышали о цветке.

— Если мы достанем этот цветок, говорили они между собой, то о нас впоследствии будут говорить история и мальчики будут учить о нас в школах. Мы обогатим весь мир, так как найдем лечение от всех болезней!..

Старший пожелал отправиться первым. Дровосѣк проводил его до самого входа в волшебную сторону, и королевич смѣло отправился вперед. Он долго не оборачивал головы назад, не отивчал на обиды и задоры разных духов, скрывавшихся в высокой травѣ или за громадными черными камнями. Но под конец один из духов приниулся его матерью и оклинул его ее голосом. Королевич не стерпѣл и обернул назад голову.

И одним черным камнем в лесу стало больше. Духи превратили королевича в камень.

На слѣдующий день отправился в лес второй сын. Едва только он вступил в лес, как

лѣшій подкрался к нему сзади и сдѣлал так, что королевич зацѣпился плащом за сучок. Чтобы отцѣпить его, королевич обернулся назад и тотчас же превратился в камень.

А старому королю становилось все хуже и хуже. Смерть уже стояла у его изголовья и готовилась занести над ним свою косу. И дочь короля, которая сильно любила своего отца, плакала и ничто не могло ее утѣшить. И она рѣшила сама отправиться за волшебным цветком, чтобы излечить своего отца.

И она пошла в лес. Слезы струились у нея по щекам, она была печальна и так сильно думала об отцѣ, что и не слышала, как задирали ее лѣсные духи. И что ни дѣлал лѣшій, чтобы отвлечь ее внимание и заставить ее обернуться назад, она думала только о том, как бы помочь скорѣе отцу, и все попытки лѣшаго остались без успѣха. Он окликал ее голосами близких ей людей, но она не слышала их. Он зацѣплял ее платье за сучки и пенки, но она шла вперед, разрывая самое платье, он толкал ее сзади, но, падая на землю, она снова отправлялась в путь и только и думала, что о больном отцѣ.

Наконец она дошла до того места, где был вход в волшебную страну. Два тигра стояли у входа и стерегли, чтобы кто-нибудь туда не вошел. Она знала, что ей не осилить тигров и потому подошла к ужасным животным и со слезами в голосѣ сказала им:—

— Мой отец при смерти, и я хочу, чтобы он остался жив.

Выслушайте меня, умоляю вас! Если ему показать цветок, который поет, то смерть испугается этого цветка и мой отец выздоровѣет тотчас же. И если мнѣ суждено погибнуть, если вы должны меня съѣсть, то умоляю вас, дайте сначала мнѣ этот цветок, я снесу его къ отцу и завтра же приду къ вамъ опять и позволю вамъ меня съѣсть!

И, чтобы умилостивить вѣрей, она стала их ласкать и гладить своей дрожавшей рукой.

И вдруг они заговорили:—

— Иди! сказала одна из них.— Входи, добрая королева! Мы осуждены были еще долго оставаться в этих тигровых шкурах, до тѣх пор, пока кто-нибудь нас не приласкает, и вот ты дѣлает для нас ожиданіе этой твоей ласки. И вот ты пришла и приласкала нас. Вместо того, чтобы употребить против нас силу, ты побѣдила нас своей добротой, а вѣдь ты знаешь, что силой и тщеславіем не всегда достигнешь того, чего могут добиться кроткая просьба и доброта.

И они пошли передъ нею, а она послѣдовала за ними.

В темном лесу слышались возгласы и завыванія со всехъ сторонъ, съ каждой вѣтки, из-подъ каждого куста, и фантастическія птицы кричали на деревьяхъ. Громадная летучая мышь пересѣкала путь, и змѣи шипѣли из своихъ норъ.

Но дѣвушка такъ была поглощена думами об отцѣ, что не замѣчала ничего.

И вот они пришли наконецъ къ волшебному цветку. Онъ былъ такъ красивъ, что нельзя описать, онъ пѣлъ такую пріятную, трогав-

шую за душу пѣсню, какой не слыхать еще никто.

Дѣвушка нагнулась над нимъ и сорвала его. Затѣмъ она поблагодарила тигровъ и отправилась в обратный путь. Теперь все лѣсные духи уже пришли въ ярость и негодованіе. Съ каждой вѣтки неслись проклятія и все черные камни бранили ее за то, что ей удалось добыть то, чего не удалось добыть имъ самимъ.

Было такъ страшно, какъ иногда бываетъ во снѣ! Но королева шла своей дорогой, по прежнему думала об отцѣ и не слышала ничего. А когда она возвратилась домой и показала отцу волшебный цветок, то сторозившая его смерть испугалась и, сложив свою косу, отлетѣла прочь.

На слѣдующій день король уже держалъ в рукахъ этотъ цветок, слушалъ его пѣніе и былъ совершенно здоровъ.

Прошли года. Тщеславные королевичи были превращены в камни и безмолвно оставались в лесу. Наслѣдниковъ не было и вместо нихъ, послѣ состарившагося короля стала править его дочь. Она попрежнему была добра и попрежнему любила всехъ. Волшебный же цветокъ вскорѣ завялъ и засохъ, потому что могъ только одинъ разъ излечить человека отъ болѣзни и спасти ему жизнь.

Молодая королева приказала своему бібліотекару записать съ нея словъ эту сказку, чтобы впоследствии, много вѣковъ спустя, ее читали другіе люди и знали, что доброта и ласка гораздо лучше, чѣмъ грубая сила и самонадеянность.

II. Корзины жемчуга.

Жили-были две сестры: старшая из них была очень красива, но высокомерна и занослива, а младшая вовсе не отличалась красотой, но была изяжна и любвеобильна и имела прекрасное сердце и чуткую душу. Она безропотно переносила все нападки своей сестры. А эта сестра всякий раз старалась унизить ее и дошла, наконец, до того, что не стала выпускать ее из других комнат, когда приезжали в замок гости, и целые дни дѣвушка должна была проводить на террасѣ, выходящей к морю. Никто не хотѣлъ за нее заступиться и все находили, что она дурна и глупа.

Все время одна да одна, бѣдная сидѣла на этой террасѣ и скучала. Никто къ ней не приходилъ, всемъ слугамъ въ замкѣ приказано было отвѣчать ей только «да» и «нѣтъ» и лишь иногда вечерней пѣтерей приносилъ ей звуки тѣхъ пѣсень и той музыки, которыя пѣли и играли въ покояхъ ея старшей сестры.

Терраса, на которой такъ томительно тонули дни младшей сестры, опускалась прямо къ морю. Волны иногда вплотъ подкатывались къ ея ступенямъ и дѣвушка любила слушать, какъ онѣ шипѣли.

И вотъ однажды, когда она скучала болѣе обыкновеннаго, изъ воды вдругъ вышла очаровательная дѣвушка и протянула къ ней золотую чашу, въ которой доверху были насыпаны крупный жемчугъ.

— Принцесса, — обратилась она къ ней: «Моя повелительница, Фея жемчужныхъ раковинъ, посылаетъ тебѣ этотъ жемчугъ, равнаго которому нѣтъ на свѣтѣ».

И прежде чѣмъ принцесса могла что-нибудь отвѣтить, эта дѣвушка исчезла.

Полная удивленія, принцесса стала пересыпать жемчугъ съ ладони на ладонь, не зная, что изъ него дѣлать. А онъ былъ такъ дорогъ, что стоилъ цѣлые миллионы.

И каково же было удивленіе во всемъ замкѣ, когда все узнали, что у нея была эта драгоценность! И все вдругъ сразу нашли, что она какъ-то вдругъ похорошѣла, что интереснѣе ея нѣтъ другой дѣвушки во всей странѣ, и все дамы стали дѣлать передъ ней реверансы. Но тутъ вышла старшая сестра и при видѣ жемчуга, которому позавидовала бы любая королева, набросилась на дѣвочку и стала ее бранить. А затѣмъ, чтобы жемчугъ этотъ не достался никому, она вырвала его изъ рукъ сестры и бросила его въ море.

— Что ты дѣлаешь? — воскликнула дѣвушка.

— Я желаю быть лучше и красивѣе тебя, — сухо отвѣтила ей сестра, — а съ этимъ жемчугомъ любая мужичка можетъ считаться королевой.

И какъ только младшая сестра лишилась своего жемчуга, — все опять нашли, что она сразу похорошѣла и стала красивой. Она заплакала и снова уединилась на террасу, снова сѣла въ свое кресло и погрузилась въ невеселыя мысли. А затѣмъ она стала рыдать.

— Не плачьте, принцесса, — вдругъ услышала она около себя чей-то голосъ. — Лучше слѣдуйте за мной!

Принцесса подняла глаза и вдругъ увидѣла передъ собой ту же самую дѣвушку, которая принесла ей раньше жемчугъ.

тѣмъ все болѣе и болѣе она казалась ему жалкой и безпомощной. Такъ онъ ее и не стѣлъ. Она скоро выздоровѣла, но вмѣсто того, чтобы улетѣть и оставить Матроску одного, она подошла къ нему и сказала:

— Моихъ дѣтей уже нѣтъ въ живыхъ — ихъ убили чужаки. Гдѣ мое гнѣздо, я теперь тоже не знаю. Но наступаетъ зима, и ты долженъ остаться здѣсь одинъ. Я не хочу быть неблагодарной и могу остаться при тебѣ. Хочешь, чтобы мы провели зиму вдвоемъ?

— Что-жъ, отвѣтилъ Котъ, — оставайся! Миѣ будетъ весело съ тобой!

Куропатка осталась и они цѣлые два мѣсяца прожили въ мирѣ и согласіи. А между тѣмъ зима была жестокая и въ тотъ годъ очень затянулась.

Однажды Матроска что-то почувала и ощетинилъ шерсть. Дѣйствительно, къ нимъ приближалась старая собака, повидимому, больная и съ хромою ногой.

— Зачѣмъ ты сюда пришла? — замикала ей Матроска. — Видѣ я сейчасъ выпущу свои когти и выпараю тебѣ глаза! Развѣ ты не знаешь этого?

— Нѣтъ, спокойно отвѣтила собака, — ты не сдѣлаешь этого. Я не причинила тебѣ никакого вреда и пришла не за тѣмъ, чтобы сдѣлать тебѣ зло. Позволь миѣ только немножко отдохнуть.

Усталая, изнеможенная, она легла на свѣтъ. Матроска поглядѣла на нее и сказала:

— Чѣмъ здѣсь лежать на свѣту, иди-ка лучше ко миѣ! Тамъ у меня тепло и мѣтко. Къ тому же я живу и не одинъ: со мной живетъ моя подруга куропатка.

— Я это чую, отвѣтила собака и стала нюхать воздухъ. — Здѣсь гдѣ-то близко дѣйствительно находится дичь! Если ты хочешь, то я сейчасъ же ее позову.

— Если только ты тронешь ее, предупредишь собаку Матроска, — то ты будешь имѣть дѣло со мной. Эта птица пришла ко миѣ такая же слабая, какъ и ты. Я приютилъ ее и теперь мы живемъ, какъ братья и сестра.

— Въ такомъ случаѣ живите, какъ и прежде жили, отвѣтила собака.

Матроска повелъ собаку къ себѣ и познакомила ее съ куропаткой. Онѣ поздравствовались между собой, а затѣмъ, отдохнувъ отъ усталости, собака рассказала своимъ новымъ друзьямъ свою печальную исторію. Недавно умеръ ея хозяинъ, она цѣлые два дня проплакала на его могилѣ, а когда, изнемогая отъ голода и жажды, возвратилась съ кладбища, то никто не захотѣлъ ее принять. Теперь она не знаетъ, куда ей, калѣкѣ, дѣваться и гдѣ жить. Что, если-бы Матроска и куропатка приняли ее къ себѣ? Какъ-бы она была имъ благодарна!

Матроска и куропатка переглянулись и согласились. Таким образом общежитие увеличилось еще одним членом, который скоро стал всеобщим любимцем и в свою очередь полюбить всех.

Собака ходила на охоту, приносила коту дичь, а для куропатки добывала у людей кусочки хлеба, которые они плохо хранили. А когда наступала ночь, то все трое,

— Сжался надо мною, добрый кот!

чтобы сберечь тепло, спали вместе, прижавшись один к другому. Постелью им служили сухие листья, собранные котом еще до наступления зимы. Днем они играли все втроем и радовались: кошка и собака бегали, а куропатка летала вокруг них, или же садилась им на спины и каталась на них так, как люди на лошадях.

Однажды, гуляя по лесу, они встретили маленькую обезьянку, умирающую от холода. Она дро-

жала всем телом и, увидя их, стала их умолять:

— Друзья мои, сказала она, — помогите мне. Я глубоко несчастна. Мои хозяева — акробаты, у которых я выдвбывала разные фокусы и которые показывали меня на ярмарках, увидев, что я больна, бросили меня по дороге и уехали. Теперь я одна и, если вы не возьмете меня с собой, то я замерзну.

— Не бойся, ответил Матроска, мы не бросим тебя. — Ты будешь нашим другом, и мы сейчас возьмем тебя с собою и обогреем тебя.

Глазки обезьянки засветились радостью. Она прыгнула собаке на спину и все четверо отправились к коту. Здесь обезьянки дали зайчье шкурку, она надела ее на себя, как шубку, согрелась, попила и пошла и все они стали жить и поживать в мире и согласии.

И для четырех друзей началась блаженная жизнь. Зацвела затишья весна, солнце стало согревать всех своими ласковыми лучами, леса наполнились благоуханием и небо было прозрачно и безбрежно, как океан. Они часто совершали далекие прогулки и были довольны, что так удачно сложилась их жизнь.

Но всему бывает конец, наступил конец и их безмятеж-

Даже такое недалекое животное, как осел, тоже бывает иногда способно на геройские поступки. Так, в Египте, у одного араба была осел по имени Моджи. Однажды, когда араб продал свои товары в город и возвращался к себе в деревню домой, то ему захотелось отдохнуть. Он дал своему ослу волю, а сам лег под куст и скоро заснул. Было жарко. Жилье было далеко. Кругом тянулась пустыня, кое-где поросшая чахлыми кустарниками и дикой травой. Араб спал, а осел бродил от куста к кусту, обгладывая с них листья и незамеченно отошел от своего хозяина далеко. Как вдруг он услышал донесшиеся до него крики своего хозяина. Он вздрогнул, поднял уши и со всех ног бросился туда, где тот спал. Оказалось, что откуда-то появился степной волк, который набросился на спавшего араба и стал его грызть. Тогда Моджи, желая спасти своего хозяина, с опасностью для собственной жизни подполз к волку, повернулся к нему задом и из всех сил стал поражать его задними ногами. Когда волк был им убит, то оказалось, что араб был уже загрызен до полусмерти. Тогда Моджи понял, в чем дело, и со всех ног пустился к себе в деревню. Здесь он схватил зубами жену араба за полу и стал

ее тащить вонь со двора. Догадавшись, что с ее мужем случилось что-нибудь недоброе, араб съез на Моджи и он быстро привез ее к тому месту, где лежал без чувств его умирающий хозяин.

Но и находясь в диком состоянии, животные тоже проявляют благородство и самопожертвование. В двух первых примерах животное оказало услугу именно человеку и будучи в неволе. Но с такою же готовностью животное способно пожертвовать собою и для другого животного, и при том находясь в диком состоянии. Такой случай привел к нам ученый Бем, путешествовавший по Африке и наблюдавший там жизнь павианов. Однажды эти животные целой массой перешли через долину, чтобы взойти на противоположные горы. Когда большая часть павианов была уже на горах, то внизу, в долине, их оставалось всего только несколько штук. Как вдруг на самых последних из них напали дикие собаки. Тогда старшие из них бросились от них бежать и успели уже взобраться на неприступную скалу, за исключением одного только маленького, полугодовалого павиана, который не сумел уцепиться за камень, сорвался и покатылся вниз на съездине дикими собаками. Он окружил его со всех сторон. Он жалостно заплакал и стал громко

Въ своемъ царствѣ.

— Я ошиблась!.. Я думала, что это — орѣшникъ, а не яички!..

звать на помощь. Тогда один из уже спасшихся взрослых павианов, бросился его выручать. Он прорвался сквозь ряды разсвирепевших диких собак, схватил маленького павиана на руки и с опасностью для собственной жизни, торжественно вынес его в безопасное место.

Быль и другой случай, когда маленькую обезьянку схватил однажды орел. В самый тот момент, как он хотѣлъ уже унести ее къ себѣ въ гнѣздо, она схватилась свободной лапкой за вѣтку дерева и стала громко звать на помощь. Услышавъ ея крики, со всѣхъ сторонъ сбѣжались другія обезьяны, стали на орла кричать, бросать въ него вѣтками и плодами, а одна даже притинула орла за вѣтку къ себѣ и стала выпщивать у него изъ хвоста перья, несмотря на то, что онъ поразжалъ ее за это хлывомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что царь птицъ долженъ былъ выпустить изъ когтей свою жертву и со стыдомъ и съ общипаннымъ хвостомъ улетѣлъ къ себѣ въ гнѣздо.

Одинъ ученый приводитъ случай, когда кошкѣ положительно негдѣ было вывести и выкормить своихъ котятъ и она избрала для этого старую корзину, въ которой уже сидѣла на яйцахъ голубка. Было трогательно смотрѣть, какъ кошка и котята боялись помѣшать голубкѣ и какъ голубка, чтобы предоставить имъ побольше

мѣста, жалась къ самому краю корзинки.

Но будучи способными на геройскіе поступки, животныя умѣютъ также и мстить. Такъ одна горилла была помѣщена въ тѣсной клеткѣ въ одномъ провинціальномъ, переѣзжавшемъ съ мѣста на мѣсто, звѣринцѣ. Сторожъ этого звѣринца очень сурово относился къ ней, не давалъ ей есть и иногда больно билъ ее хлыстомъ. Тогда она задумала отомстить ему. Въ воскресенье, когда въ звѣринцѣ было особенно много народу и когда ея сторожъ нарядилъ своею лучшей костюмъ, видѣвшее ведро съ водою, которъ въ клетку, ставлена ей для питья, въ порывѣ, въ ней грязи и, на одно колѣно сторожъ вошелъ въ, стрѣбать соръ на глазахъ у вѣ, вдругъ павианъ дѣло сзавиди и втиснула ему это въ лову. Конечно, сторожъ на смѣ, ручьями. Сторожъ прямо изъ звѣ, на него верхомъ и въ ванну. И вѣ, Вокругъ клетки какъ этотъ сто, Тогда маленькая клетка горилла, ди въ опасности начала, хлопала, ишилась спасти его что такъ насм, чему на выручку. врагомъ. Но, юльно стала драть слоны. Вообще, то онъ выпустилъ пѣлвы и вѣ, жертву и бросился быть очень, Конечно, сторожъ вымъ человекъ, ся этой минутой, что ихъ изъ се, на ноги и водворить странствуютъ, на радости. дился слонъ

пѣлъ всевозможны продѣлки со стороны одного изъ посѣтителей. Когда слону предлагали какія-нибудь сласти, то прежде чѣмъ передать ихъ ему, этотъ господинъ еще дразнилъ его ими и вообще надѣвался надъ нимъ. Слоны очень любили каштаны и вотъ однажды, чтобы посмѣяться надъ слономъ, посѣтитель изжарилъ каштаны на сковородѣ, разогрѣлъ ихъ такъ, что они сдѣлались горячими, какъ огонь, ссыпалъ ихъ въ бумажный мѣшокъ и въ такомъ видѣ подаль ихъ слону. Не подозревая ничего, слонъ взялъ хоботомъ за край мѣшка, положилъ его весь цѣлкомъ къ себѣ въ ротъ и вдругъ почувствовалъ на языкѣ тижкую боль. Въмѣсто того, чтобы выплюнуть эти каштаны, онъ ихъ проглотилъ и зарычалъ отъ ожога. Злой посѣтитель, увидя, что такъ легко обмануть слона, взялся руками за животъ и весело захохоталъ. Тогда животное схватило ушами, поставленный для питья, и протинуло его къ своему хозяину, чтобы онъ наполнилъ его водой. Когда вода была слону подана, то онъ сталъ жадно ее пить, чтобы умѣрить въ себѣ силу ожога.

— Напрасно ты это сдѣлалъ, обратился къ посѣтителю содержатель звѣринца. — Теперь онъ тебѣ этого не проститъ никогда!

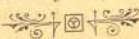
И дѣйствительно, въ глазахъ у

слона засвѣтился недобрый огонекъ; но животное затаило въ себѣ месть и стало только поджидать удобнаго случая, чтобы выполнить ее на дѣлѣ.

Прошелъ годъ. Звѣринцу, ухажавъ и потомъ опять вновь приѣхавъ въ тотъ же самый городъ. Опять около слона появились зрители, которые предлагали ему булки, яблоки и разныя сласти. Былъ между ними и тотъ негодяй, который когда-то покормилъ бѣднаго слона горячими каштанами.

Едва только слонъ почувалъ своего врага, какъ схватилъ его хоботомъ за одежду, поднялъ его высоко къверху и такъ трахнулъ имъ, что кусокъ одежды вырвался и праздный посѣтитель чуть не замертво всею своею тяжестью ударился о землю. Сбѣжался народъ и сталъ приводить его въ чувство. Потребовали воды и кто-то сталъ мочить ему ею виски. Увидѣвъ это, слонъ набралъ цѣлый хоботъ воды изъ своей бочки и тоже облилъ своего врага, какъ изъ пожарной кишки. Затѣмъ онъ схватилъ стоявшій тутъ-же ящикъ съ пескомъ и высыпалъ его весь на пострадавшаго.

Такъ животныя умѣютъ быть преданными для тѣхъ, кто любить ихъ и заботится о нихъ, и такъ они мстятъ тѣмъ, кто забываетъ, что они тоже умѣютъ чувствовать, страдать и любить. С. Вершининъ.

ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ.

Насталъ ужъ вечеръ... Солнце сѣло,
Росой упитана земля,
Кричатъ лягушки, все зашѣло,
И слышенъ крикъ коростеля.

И надъ рѣкою суетливой
Встаетъ таинственный туманъ
И ужъ домой идетъ крикливо
Гусей усталыхъ караванъ.

Крестьянина лошадь распрягаетъ,
Сама пастись идетъ она,
И все въ усадьбѣ засыпаетъ
И ищетъ отдыха и сна.

Зажглись звѣздочки, какъ свѣчки,
Все спитъ... Поетъ лишь коростель,
Да только тамъ, вдали, за рѣчкой
Играетъ пѣжная свирѣль.

Кузнецикъ.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

Дневникъ дѣвочки.

Вчера вечеромъ, когда я ложилась спать, мнѣ какъ-то было не по себѣ и чего-то не хватало: я не привыкла быть не дома и ночевать въ гостяхъ и меня почему-то потянуло домой къ папѣ, мамѣ и къ брату Сережѣ. Но потомъ настроеніе измѣнилось и все пошло, какъ по маслу. Няня очень постарѣла, но по-прежнему любитъ меня, хотя мы не видались съ нею уже три года. Она очень обрадовалась моему прѣезду.

Я прѣехала къ ней только вчера къ вечеру. Меня встрѣтилъ на вокзалѣ ея работникъ Трифонъ и повезъ на лошади въ ея хуторокъ. Было уже темно. Мы ѣхали четыре версты между деревень, съ горки на горку, было прохладно,

въ низинкахъ поднимался туманъ, но воздухъ былъ такой свѣжій и ароматный, что я никакъ не могла имъ надыхаться. Въ кустахъ свѣтились, точно электрическіе фонарики, свѣтлячки.

Когда мы подъѣхали къ домику няни, то она уже ждала насъ на крыльцѣ. Я соскочила съ таратайки и бросилась къ ней на шею.

— Нянюшка! крикнула я.

Она подняла меня на руки и стала плакать. Потомъ она успокоилась и, точно маленькую, внесла меня въ комнату. Горѣла лампа и на столѣ былъ приготовленъ для меня ужинъ. Я набросилась на молоко, горячія пышки, яйца, сметану и творогъ. Няня сидѣла около меня, не спускала съ меня глазъ,

разспрашивала меня и всѣхъ нашихъ и то и дѣло подкладывала мнѣ на тарелку.

— Кушай, моя голубушка, говорила она. — Тамъ, въ городѣ, тебя морили голодомъ... Вишь, какая блѣденькая, да худая!

Затѣмъ няня отвела меня въ другую комнату, сама умыла меня, такъ какъ ей это было пріятно дѣлать, и уложила меня спать. Я утонула въ перинѣ и долго ныряла въ ней и смѣялась.

— Спи, моя цыпочка! скакала няня. — Господь тебя благослови!

Я закрыла глаза и заснула. Когда я проснулась сегодня, то было уже утро. Свѣтило солнце и щебетали птицы. Часы въ соседней комнатѣ пробили восемь. Я одѣлась и подошла къ окну. Какъ разъ около него, въ саду, няня разговаривала со своимъ работникомъ.

— Смотри-же Трифонъ, говорила она, — слушайся барышню и исполняй все, что она тебѣ прикажетъ. Чего бы она ни захотѣла, такъ все безъ возраженій и исполняй!

Мнѣ стало весело и я выбѣжала въ садъ.

— А вотъ и наша ранняя птичка! воскликнула няня и стала меня обнимать.

Потомъ она вдругъ сдѣлала испуганное лицо и продолжала:

— Что-же это я, старая дура, стою? Дѣвочка съ голоду умираетъ, а я тутъ стою и на воронъ ѣвлю!

Она поспѣшила въ домикъ и я осталась съ Трифономъ одна.

— Здравствуйте, барышня! радостно воскликнулъ онъ.

— Здравствуй, Трифонъ! отвѣтила я и, по привычкѣ цѣловаться дома со всѣми своими домашними по утрамъ, поцѣловала его въ щеку.

Онъ смутился, отеръ щеку рукавомъ, заморгавъ глазами и засопѣлъ носомъ.

— Вотъ я эти цѣточки... запелать онъ, — сажая для насъ... Хотя и не важныя они, цѣточки-то, да пахнутъ, пахнутъ-то хорошо...

Въ это время пришла работница Марья и позвала меня пить чай.

— Идите, барышня-красавица, сказала она. — Самоваръ поспѣлъ. Я подошла къ ней, схватила ее за руку и потащила за собой. Она стала упираться, говорить, что не смѣетъ со мной играть, но я схватила ее еще и за фартукъ и потащила. Мы обѣ со смѣхомъ побѣжали къ нимъ.

У нея уже все было готово. Я усѣлась за столъ и принялась за ѣду. Няня сидѣла сбоку и не отрывала отъ меня глазъ. Я ѣла, а она все подкладывала мнѣ и говорила:

— Кушай, милая! Тебя въ городѣ голодомъ заморили!

Въ открытое окошко несли задохъ цѣтовъ и слышно было, какъ гоготали гуси, кудахтали куры и болтали индюки. Мнѣ

стало здесь так приятно, что я обняла няню и сказала:

— Как у тебя здесь, няня, хорошо!

Она посмотрела на икону и перекрестилась.

— Это все твой папа, пошли ему Бог здоровья! ответила она. — Я вынянчила его самого, тебя и твоего брата Сереженьку. Теперь бы мне с голоду помирать, а он, голубчик, купил для меня вот этот хуторок и сказал: «Живи в нем, няня, он твой! Разводи здесь уток и гусей и будь здорова. Ты для меня все одно, что вторая мать...»

Няня вытерла себя глаза кончиками завязок от чепца и снова перекрестилась.

В это время пришла работница Марья и спросила:

— До обеда еще два часа... Шутка-ли? Барышня может проголодаться. Не сдѣлать для нея на завтрак вареников с творогом?

— Сдѣлай, сдѣлай, Марьюшка! серьезно ответила няня. — Да еще принеси из погреба горшочек со сливками! Пускай она себя полжжет!

Воображаю, как я здесь растолстѣю! Вѣроятно, буду, как боченок.

Я опять выбѣжала в сад. Трифонъ вскопал грядку и стал сажать на ней землянику.

Я подошла къ нему и стала

глядѣть, как онъ работает. Во время перерыва онъ потеръ рукавомъ то мѣсто, въ которое я его подѣловала, кракнулъ и поглядѣть на меня ласковыми глазами.

— У тебя есть своя земля? спросила я его.

— Нѣтъ, барышня, ответил онъ со вздохомъ. — Была у меня земля сѣ избенкой, да я подарилъ ее моей вдовѣ-сестрѣ. Я одинъ, а у нея — цѣлая семья.

Онъ поднялся, размять члены и добавилъ:

— Эхъ, милая барышня, красавица моя! Хорошо тому, у кого есть свой собственный, маленький клочокъ земли! Кто любитъ землю, того и она, матушка, любитъ. Сдѣлаешь для нея на копейку, а она даетъ тебѣ на рубль. Вотъ я сажалъ сейчасъ землянику всего только полчаса, а ягоды съ этой гряды будемъ кушать цѣлые четыре года, да еще будемъ и продавать.

Въ это время вышла няня и закричала мне:

— Сонечка, пойдемъ курицъ кормить!

Я тотчасъ-же бросила все и побѣжала за ней въ курятникъ. Здесь были разставлены гнѣзда, въ которыхъ неслись куры, и поставлены жерди, на которыхъ онѣ садятся на ночь съ пѣтухомъ. Едва только мы вошли въ него, какъ къ намъ навстрѣчу бросились со всѣхъ ногъ утята, цыплята и ма-

ленькиа пидшоки. Я взяла на руки одного утеночка и стала его гладить. Тогда няня положила имъ корму. Одинъ утеночъ схватилъ вчерашнюю длинную макарону и сталъ ее глотать цѣлкомъ. Когда онъ проглотилъ ее уже почти совсѣмъ, то къ нему подбѣжалъ цыпленокъ, схватилъ клювомъ за торчащий еще изъ его клюва кончикъ этой макароны и всю ее цѣлкомъ вытащилъ изъ утенка назадъ. Потомъ онъ ее съѣлъ самъ. Это было очень смѣшно.

Пока мы ходили по курятнику, вокругъ рѣшетки все время бѣгала собака Шарикъ, которая визжала и просилась къ намъ.

— Вотъ погоди ты у меня! крикнула на нее няня. — Я вотъ тебя сейчасъ! Я покажу тебѣ, какъ хватать курицъ за ноги!

Я думала, что няня дѣйствительно накажетъ Шарика, но когда мы вышли изъ курятника и Шарикъ бросился къ намъ и сталъ отъ радости визжать, то няня ласково потрепала его по спинѣ.

— Тоже вѣдь тварь Божія! сказала она. — Такъ-же радуется, какъ и человекъ!

Мы набрали полную корзину яицъ и хотѣли было идти еще и въ огородъ, но въ это время изъ домика няни вдругъ послышался голосъ Марьюшки:

— Барышня, идите кушать вареники съ творогомъ!

— А ты горшочекъ со сливками

изъ погреба принесла? крикнула ей няня.

— Принесла, ответила Марьюшка.

— Ну, такъ мы сейчасъ придемъ!

Я была сыта, но няня почти насильно усадила меня за столъ и заставила меня ѣсть вареники и сливки. А сливки были такіе густые, что въ нихъ стоймя стояла ложка.

Затѣмъ мы отправились гулять. Няня взяла палочку и повела меня далеко-далеко, по лѣсамъ и лугамъ. Вокругъ насъ летали бабочки, щебетали птицы, а бѣгала по бархатной травѣ и собирала цвѣты.

Прошли версты двѣ, мы пришли къ селу, въ сторонѣ отъ котораго стояла свѣже-окрашенная веселенькая церковь. Около церкви — два домика. Въ одномъ изъ нихъ живетъ батюшка, въ другомъ — дьячокъ. Когда мы подошли къ домику батюшки, то онъ, снявъ рясу, самъ косилъ у себя въ огородѣ траву. Его длинные волосы падали ему на плечи и онъ былъ очень похожъ на Робинзона Крузо. Завидѣвъ насъ, онъ бросилъ косу, быстро надѣлъ на себя рясу и пошелъ къ намъ навстрѣчу.

— Здравствуйте! сказалъ онъ. — Милости просимъ! Добро пожаловать!

Няня представила ему меня.

— Это моя воспитанница, сказала она. — Я ее вынянчила на рукахъ. Благословите ее, батюшка!

Въ Пиринскихъ горахъ.

Херувимчики.

Батюшка потрепал меня по щеке и спросил:

— Как тебя зовут, цыплетка? Я ответила: — Соня.

Тогда он перекрестил меня и положил мне руку на голову.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... сказал он. — Матушка, выходи-же скорей! К нам гости пришли!

Вышла матушка с девочкой. Это была их дочь.

— Фрося, обратился к дочери батюшка, — поиграй с Софией-премудрой! Поваляйся с ней на сны!

Фрося взяла меня за руку и подвела к сну. Мы стали на нем кувираться, прыгать и закатываться в нем одна другую. В это время няня с батюшкой и с матушкой о чем-то в сторонке долго разговаривали.

Затем мы отправились домой. До самого дома нас провожала Фрося. Мы бжали впереди, а няня брела с палочкой далеко позади нас.

— Ты знаешь, сказала мне Фрося, — о чем няня разговаривала с моими папой и мамой, когда мы с тобой играли на сны? Она пришла к нам нарочно, чтобы попросить мою маму отпустить меня на недлю к вам. Она боится, что ты будешь с нею одной скучать!

Меня это тронуло. Милая няня! Как она заботится обо мне!

Мы пришли к самому обеду. От далекой прогулки я так проголодалась, что шла за четверых. После обеда мы с Фросей забрались с ногами на нянину кровать и долго бросались подушками. По воздуху летал пух, мы вабили всю кровать и думали, что няня нас накажет, но она вошла к нам и стала смеяться.

— Играйте, играйте, дитя! сказала она. — Я после уберу!

Потом мы стали играть в желваную дорогу, опрокинули все стулья и столы, воображая, что это вагоны, и когда наигрались до сыта, то Марюшка принесла нам по кружку холодных густых сливок. Ах, с каким наслаждением мы выпили их! А комната так и осталась неубранной.

А затем как-то вдруг, сразу, наступил вечер. Вообще в этот день как-то особенно часто били часы. День промелькнул так быстро, что я даже и не заметила, куда он делся. Пришла Марюшка и приготовила нам постель. Мы простились с няней, умылись, помолились Богу и прыгнули вместе с Фросей в перину. Мне хотелось пошалить еще, но сон стал одолевать меня и я стала сладко-сладко засыпать.

— Спи, моя дочка! услышала я сквозь сон голос няни. — Спи и ты, стрекоза! Господь благослови вас обих!

Мы тотчас же заснули и спали, как убитые.

... Сегодня утром я вскочила рано, часов в шесть, и выбежала на двор. Сило солнце и капли росы еще висели на цветках и листьях деревьев. Я еще ни разу в жизни так рано не вставала. Распевали птицы, мычали скот, кудахтали куры — и мне было приятно дышать свежим утренним воздухом. Я обегала за полотенцем и умылась прямо из колодца.

Вышла Марюшка и удивилась, что я так рано встала. Она подошла ко мне и подфлоровала меня в плечо.

— Уже, барышня, встали? спросила она. — Как же вы будете, не купавши? Ведь ваша няня только сейчас уехала к ранней обеду!

В это время послышался стук колес. Это возвращался из церкви Трифон. Увидев меня, он соскочил с козел, схватил меня на руки и высоко поднял от земли.

— Здравствуй, барышня-красавица! Вы уже встали? Позвольте вас поздравить с высокоторжественным праздником святых, первоверховных апостолов Петра и Павла!

Я опять подфлоровала его в щеку, он опять вытер ее рукавом, опять засмыгнул носом и затем стал распрягать лошадь.

— Пойдите-ка, барышня, обратилась ко мне Марюшка, — я вам что-то покажу.

Мы пошли в людскую. Там было очень жарко, пахло свежеспеченным хлебом и жужжало множество мух. Марюшка зашла на печку, достала оттуда горшок, покрытый тряпкой и поставила его на стол.

— Смотрите сюда! сказала она.

Она сняла с горшка тряпку и высыпала из него прелестных желтеньких утят. Они были, точно пуховки из-под пудры.

— Где ты их взяла? воскликнула я в восторг.

— Вывелись сегодня за ночь... ответила она.

И взяв с лавки таз, она налила в него воды, сгребла горстями всех утят и опустила их в воду. Они тотчас же весело стали плавать в тазу и нырять.

— Ну, довольно! сказала Марюшка. — Поплавали! Будет с вас!

Она опять сгребла всех их в горсть и снова положила их в горшок. Они были совершенно сухи и было удивительно, что так скоро скатилась с них вода. Марюшка поставила горшок опять на печку, достала из-под холстины только что испеченный хлеб и отрывала мне от него то место, где на горбушке был разрыв. Это было самое вкусное местечко.

— Кушайте на здоровье! сказала она и придвинула ко мнѣ и молоко.

Я стала обмакивать теплую горбушку въ молоко и ѣсть. Это было очень, ужасно-ужасно вкусно! Я ѣла, а Марюшка глядѣла на меня и улыбалась.

Мы вышли изъ людской, Марюшка занялась своимъ дѣломъ, Трифонъ хлопоталъ около тарантаса, а я сѣла на крылечкѣ дома и стала думать. Какъ вдругъ я услышала какіе-то странные звуки. Кто-то будто бы игралъ на чемъ-то, а кто-то другой какъ будто бы пѣлъ. Я прислушалась. Звукъ доносился изнутри дома.

„Что-бы это было?“ подумала я.

Затѣмъ кто-то вдругъ громко расхохотался и въ этомъ смѣхѣ я узнала голосъ Фроси. Тогда я вспомнила о ней, вбѣжала въ домъ и то, что представилось моимъ глазамъ, заставило и меня весело смѣяться. У окна сидѣла совсѣмъ уже одѣтая Фрося и играла на какомъ-то странномъ инструментѣ, похожемъ не то на балалайку, не то на гитару. Около нея стоялъ Шарикъ и вылъ во весь свой собачій голосъ.

— Что это ты дѣлаешь? спросила я Фросю.

— Развѣ не видишь? отвѣтила она. — Даю концертъ!

— Что это у тебя за гитара?

— Не знаю... Не мѣшай. Погляди сейчасъ въ чуланъ, чтобы

найти себѣ чего-нибудь поѣсть, и вдругъ увидѣла тамъ эту скрипку.

И она снова забрехала по струнамъ и Шарикъ опять затянулъ свою невыносимую пѣню. Я заказала себѣ уши и хотѣла-было уйти.

— Развѣ тебѣ не нравится? спросила Фрося. — А по моему это даже очень пріятно!

— Но вѣдь ты мучишь собаку! Развѣ ты не слышишь, какъ воетъ Шарикъ?

— Я его не держу. Если ему не нравится пѣть, то онъ можетъ уходить.

И дѣйствительно, вѣроятно, Шарикъ очень нравилась эта музыка, потому что онъ продолжалъ стоять около Фроси и, задржавъ голову, громко вылъ.

Въ это время послышались въ передней чьи-то шаги. Мы такъ увлеклись нашимъ концертомъ, что и не замѣтили, какъ къ намъ вошла няня. Она вернулась изъ церкви пѣшкомъ.

Остановившись удвери, она долго смотрѣла на насъ, улыбалась, а затѣмъ покачала головой и ласково сказала:

— Ахъ вы баловницы, баловницы! Вотъ погодите, ужъ я васъ накажу!

Она положила на столъ просфору, молча взяла изъ рукъ Фроси балалайку и вынесла ее въ чуланъ. Шарикъ тотчасъ-же убѣжалъ на дворъ.

— И все эта стрекоза! погрозила няня пальцемъ Фросѣ. — И всюду-то, всюду она засунетъ свой носъ! Ну, здравствуйте, дѣтки! Съ праздникомъ!

Она обѣихъ насъ поцѣловала.

— Богъ милости прислалъ! сказала она и стала снимать съ себя платокъ.

Вошла Марюшка и стала готовить чай. Появились горячія, вкусныя пышки, сливки, яйца и масло, такое твердое, какъ сыръ. Нинѣ все казалось, что мы мало ѣдимъ, и она то и дѣло подкладывала намъ то того, то другого. Мы ѣли за обѣ щени.

— Няня, спросила я ее, когда мы уже отпили чай. — Откуда у тебя эта музыка, на которой сейчасъ играла Фрося?

Няня вздохнула и глаза ея засвѣтились такъ, точно она вспомнила о чемъ-нибудь очень для нея дорогомъ.

— Это — игрушка твоего папы, отвѣтила она. — Когда я еще нянчила его, голубчика, лѣтъ тридцать тому назадъ, такъ онъ, еще мальчишкой, любилъ на ней вотъ такъ-же дразнить собакъ, какъ и эта стрекоза! Я всѣ его игрушки берегу.

Затѣмъ Марюшка вывела утятъ на дворъ къ дужицѣ, — и мы глядѣли, какъ они по ней плавали и купались въ ея тинѣ. Наплававшись, они выѣзали на бе-

режокъ и долго затѣмъ лежали на травѣ и грѣлись.

— Это сиротки, сказала Марюшка. — У нихъ нѣтъ матки. Ихъ вывела курица!

Мнѣ стало ихъ жалъ и я еще долго сидѣла около нихъ на корточкахъ и глядѣла на нихъ. Какъ вдругъ кто-то около меня выдѣлъ изъ-за кустовъ, засмѣялся и дернулъ меня за рукавъ. Я оглянулась и увидала около себя деревенскаго мальчишка. На головѣ у него вмѣсто шапки былъ какой-то старый чулокъ и вся рожица у него была такъ испачкана, что онъ походилъ на негрятенка.

— Здравствуй, барышня, сказалъ онъ. — Гы-и!

— Здравствуй, отвѣтила я. — Тебя какъ зовутъ?

— Бориска!.. Гы-и!

— Ты чей?

— Ничей... У меня ни тѣтки, ни мамки нѣтъ... Я всеобщій...

Я не поняла его и спросила:

— Хочешь играть съ нами?

— Хочу.

Мы пошли въ домъ, гдѣ въ это время Фрося ныряла въ нининой перинѣ. Увидѣвъ Бориску, она соскочила съ кровати и закричала во весь голосъ: — А, Бориска, здравствуй! Наконецъ-то ты пришелъ!

Она схватила Бориску за плечи и стала его тормошить. Онъ смѣялся во все горло и дѣлалъ все, что только она ему ни приказывала.

— Кушайте на здоровье! сказала она и придвинула ко мнѣ и молоко.

Я стала обмакивать теплую горбушку въ молоко и ѣсть. Это было очень, ужасно-ужасно вкусно! Я ѣла, а Марюшка глядѣла на меня и улыбалась.

Мы вышли изъ людской, Марюшка занялась своимъ дѣломъ, Трифонъ хлопоталъ около тарантаса, а я сѣла на крылечкѣ дома и стала думать. Какъ вдругъ я услышала какіе-то странные звуки. Кто-то будто бы игралъ на чемъ-то, а кто-то другой какъ будто бы пѣлъ. Я прислушалась. Звукъ доносился изнутри дома.

„Что-бы это было?“ подумала я.

Затѣмъ кто-то вдругъ громко расхохотался и въ этомъ смѣхѣ я узнала голосъ Фроси. Тогда я вспомнила о ней, вбѣжала въ домъ и то, что представилось моимъ глазамъ, заставило и меня весело смѣяться. У окна сидѣла совсѣмъ уже одѣтая Фрося и играла на какомъ-то странномъ инструментѣ, похожемъ не то на балалайку, не то на гитару. Около нея стоялъ Шарикъ и вылъ во весь свой собачій голосъ.

— Что это ты дѣлаешь? спросила я Фросю.

— Развѣ не видишь? отвѣтила она. — Даю концертъ!

— Что это у тебя за гитара?

— Не знаю... Не мѣшай. Погляди сейчасъ въ чуланъ, чтобы

найти себѣ чего-нибудь поѣсть, и вдругъ увидѣла тамъ эту скрипку.

И она снова забрехала по струнамъ и Шарикъ опять затянулъ свою невыносимую пѣню. Я заказала себѣ уши и хотѣла-было уйти.

— Развѣ тебѣ не нравится? спросила Фрося. — А по моему это даже очень пріятно!

— Но вѣдь ты мучишь собаку! Развѣ ты не слышишь, какъ воетъ Шарикъ?

— Я его не держу. Если ему не нравится пѣть, то онъ можетъ уходить.

И дѣйствительно, вѣроятно, Шарикъ очень нравилась эта музыка, потому что онъ продолжалъ стоять около Фроси и, задржавъ голову, громко вылъ.

Въ это время послышались въ передней чьи-то шаги. Мы такъ увлеклись нашимъ концертомъ, что и не замѣтили, какъ къ намъ вошла няня. Она вернулась изъ церкви пѣшкомъ.

Остановившись удвери, она долго смотрѣла на насъ, улыбалась, а затѣмъ покачала головой и ласково сказала:

— Ахъ вы баловницы, баловницы! Вотъ погодите, ужъ я васъ накажу!

Она положила на столъ просфору, молча взяла изъ рукъ Фроси балалайку и вынесла ее въ чуланъ. Шарикъ тотчасъ-же убѣжалъ на дворъ.

— И все эта стрекоза! погрозила няня пальцемъ Фросѣ. — И всюду-то, всюду она засунетъ свой носъ! Ну, здравствуйте, дѣтки! Съ праздникомъ!

Она обѣихъ насъ поцѣловала.

— Богъ милости прислалъ! сказала она и стала снимать съ себя платокъ.

Вошла Марюшка и стала готовить чай. Появились горячія, вкусныя пышки, сливки, яйца и масло, такое твердое, какъ сыръ. Нинѣ все казалось, что мы мало ѣдимъ, и она то и дѣло подкладывала намъ то того, то другого. Мы ѣли за обѣ щени.

— Няня, спросила я ее, когда мы уже отпили чай. — Откуда у тебя эта музыка, на которой сейчасъ играла Фрося?

Няня вздохнула и глаза ея засвѣтились такъ, точно она вспомнила о чемъ-нибудь очень для нея дорогомъ.

— Это — игрушка твоего папы, отвѣтила она. — Когда я еще нянчила его, голубчика, лѣтъ тридцать тому назадъ, такъ онъ, еще мальчишкой, любилъ на ней вотъ такъ-же дразнить собакъ, какъ и эта стрекоза! Я всѣ его игрушки берегу.

Затѣмъ Марюшка вывела утятъ на дворъ къ дужицѣ, — и мы глядѣли, какъ они по ней плавали и купались въ ея тинѣ. Наплававшись, они вытѣкали на бе-

режокъ и долго затѣмъ лежали на травѣ и грѣлись.

— Это сиротки, сказала Марюшка. — У нихъ нѣтъ матки. Ихъ вывела курица!

Мнѣ стало ихъ жалъ и я еще долго сидѣла около нихъ на корточкахъ и глядѣла на нихъ. Какъ вдругъ кто-то около меня выдѣлъ изъ-за кустовъ, засмѣялся и дернулъ меня за рукавъ. Я оглянулась и увидала около себя деревенскаго мальчишка. На головѣ у него вмѣсто шапки былъ какой-то старый чулокъ и вся рожица у него была такъ испачкана, что онъ походилъ на негртенка.

— Здравствуй, барышня, сказалъ онъ. — Гы-и!

— Здравствуй, отвѣтила я. — Тебя какъ зовутъ?

— Бориска!.. Гы-и!

— Ты чей?

— Ничей... У меня ни тѣтки, ни мамки нѣтъ... Я всеобщій...

Я не поняла его и спросила:

— Хочешь играть съ нами?

— Хочу.

Мы пошли въ домъ, гдѣ въ это время Фрося ныряла въ нининой перинѣ. Увидѣвъ Бориску, она соскочила съ кровати и закричала во весь голосъ: — А, Бориска, здравствуй! Наконецъ-то ты пришелъ!

Она схватила Бориску за плечи и стала его тормошить. Онъ смѣялся во все горло и дѣлалъ все, что только она ему ни приказывала.

— Ты знаешь? обратилась она ко мнѣ.— Это мой ученикъ.

— Какъ ученикъ? спросила я.

— Я выучила его читать и писать. Школа отъ насъ далеко, такъ вотъ я и стала его учить. Ничего, пональ. Умѣетъ.

Мы бѣжали втроемъ, рѣзались, рядились въ нянины платья и подъ конецъ сдѣлали въ комнатахъ такой безпорядокъ, что даже няня укоризненно покачала головой.

— Бориска, утри носъ! крикнула она.

Бориска утеръ носъ рукавомъ и опять засмѣялся: — Гы-и!

Мнѣ очень понравился Бориска и я попросила няню, чтобы она позволила ему придти къ намъ и завтра.

— Что-жъ, отвѣтила она.— Пускай ходитъ хоть каждый день! Онъ хоть и сопливый, а мальчишъ хороший. Я и сама его очень люблю. У насъ всѣ его любятъ и онъ живеть то у однихъ помѣщиковъ, то у другихъ. Потому-то и прозвали его всеобщимъ.

Я и Фрося взяли „всеобщаго“ за руки и выбѣжали съ нимъ на дворъ.

— Хотите, я покажу вамъ, сказалъ онъ,— какъ лошади ѣдятъ траву?

— А ну, покажи! отвѣтили мы.

Онъ всталъ на четвереньки и сталъ ѣсть траву.

— Бориска! испугалась я.— Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты отравишься и умрешь!

Но Бориска не обратилъ вниманія и продолжалъ питаться травой.

— Трифонъ, крикнула я работнику.— Запрети Борискѣ! Прикажи ему, чтобы онъ пересталъ!

Трифонъ поглядѣлъ на него, засмѣялся и сказалъ:

— Пуцай его ѣсть!

— Но вѣдь это ему повредить!

— Ничего!

Бориска поднялся на ноги, прожевалъ траву и проглотилъ.

Я думала, что его тотчасъ-же уложатъ въ постель, дадутъ ему касторки и позовутъ доктора, но никто этого не сдѣлалъ, и такъ Бориска и пробѣгалъ съ нами, какъ ни въ чемъ не бывало, до самаго вечера.

Вечеромъ няня, Марьюшка, Фрося и я играли въ карты, а Бориска свернулся калачикомъ на ковришъ у няниныхъ ногъ и спалъ, какъ убитый. Такъ у него животъ вовсе и не болѣлъ.

Сегодня послѣ обѣда мы ѣздили къ батюшкѣ въ гости. Матушка встрѣтила насъ, какъ родныхъ, и не знала, куда насъ посадить и чѣмъ накормить. Она нашла, что ей Фрося у насъ разбаловалась, и рѣшила ее больше къ намъ не пускать, но я и Фрося стали плакать нарочно и выли такъ, что няня и матушка стали насъ утѣшать и подъ конецъ матушка отпустила къ намъ Фросю.

У батюшки прелестные щеночки! Недавно оценилась ихъ собака

Муська, щенятки прозрѣли еще только третьяго дня и одинъ изъ нихъ у насъ на глазахъ вывалился изъ корзинки и самъ опять туда-же въ нее влѣзъ назадъ и при этомъ такъ неуклюже, что мы всѣ смѣялись. Ихъ всѣхъ шесть. Батюшка обѣщала мнѣ одного изъ нихъ подарить. Поглядѣвъ на Муську и на ея щенятъ, онъ глубоко вздохнулъ, поднялъ палецъ къверху и многозначительно сказалъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛЬШОМЪ ГОРОДѢ.

Ваня осиротѣлъ. Сейчасъ только похоронили его мать и теперь онъ остался одинъ во всемъ свѣтѣ. Когда возвращались съ кладбища, то знакомые, провожавшіе покойнику до вѣчнаго успокоенія, глядѣли на него и качали головами.

— Вѣднѣй мальчишъ! говорили они.— Что съ нимъ теперь будетъ? Придется ему поступить куда-нибудь въ приютъ для бездомныхъ дѣтей!

Ваня слышалъ эти слова и они заставили его лишній разъ про-

— Умомъ собаки держится весь міръ. Если-бы не было собаки, то некому было-бы охранять стада Авраама и Исаака и Иакова и всѣхъ нашихъ Праотцовъ и ихъ самихъ, и тогда ихъ не было-бы вовсе въ живыхъ. А если-бы ихъ не было въ живыхъ, то не произошло-бы отъ нихъ и всѣхъ народовъ, населяющихъ нынѣ земной шаръ.

Мы напились у батюшки чаю и поѣхали обратно домой.

М. Б—скій.

глотить слезы. Въ самомъ дѣлѣ, куда ему теперь идти? Его отецъ умеръ тогда, когда еще Ванѣ не было и двухъ лѣтъ, а теперь вотъ умерла еще его и мать и онъ остался восьмилѣтнимъ мальчуганомъ одинъ.

Было еще не поздно, но сѣрый ноябрьскій вечеръ уже спускался на землю. Зажглись фонари и всѣ магазины были уже освѣщены. При входѣ въ городъ всѣ знакомые разбрелись по своимъ домамъ, и Ваня остался одинъ. Поговорили

о приютъ, пожалѣли о покойницѣ гдѣ жить съ матерью и гдѣ теперь и объ ея одинокомъ сынѣ, но ихъ комната была занята уже ничто не подумалъ о томъ, гдѣ другими, и никому не было дѣла

— Спи, моя куколка.

онъ будетъ сегодня ночевать и что будетъ ѣсть. Этому не зналъ и самъ Ваня. Онъ шелъ теперь по улицѣ, прошелъ мимо того дома,

до того, куда онъ шелъ и чей онъ былъ. Онъ брелъ, куда глядѣли его глаза. Онъ былъ на но- гахъ уже съ утра, чувствовалъ

усталость и ему хотѣлось при- На мрачномъ небѣ, сквозь разо- сѣсть. рвавшіеся облака, свѣтила оди-

Онъ пошелъ далѣе. Стемнѣло нокая звѣзда. Ваня чувствовалъ

Вечеръ.

совсѣмъ и наступила затѣмъ ночь. Во всемъ переулкѣ, куда онъ теперь попалъ, не было ни души, и онъ оставался совершенно одинъ.

во всемъ тѣлѣ тяжесть, ему бы- ло холодно и хотѣлось поскорѣе юркнуть куда-нибудь въ тепло, укрыться одеяломъ съ головой и

заснуть. Но этого было сдѣлать нельзя.

— Какъ холодно!.. говорилъ онъ. — Гдѣ-бы переночевать? Я озябъ...

Проѣхалъ одинокій извозчикъ. Онъ плелся къ себѣ на постоянный дворъ шажкомъ. Лошадка еле шла и извозчикъ что-то мурлыкалъ себѣ подъ носъ. Доѣхавъ до высокаго каменнаго забора, въ серединѣ котораго были сдѣланы ворота, онъ остановился, сдѣлать съ козелъ, дернулъ въ звонокъ и скоро ворота открылись и онъ въѣхалъ во дворъ. Ворота затворились. Это былъ постоянный дворъ для извозниковъ. И вдругъ странная мысль пришла въ голову Ванѣ: не перелѣзть-ли ему черезъ эту стѣну и не переночевать-ли ему въ одной изъ извозничьихъ колясокъ, которыхъ было много на постояломъ дворѣ?

Онъ былъ одинъ, его не увидитъ никто. Онъ вскарабкался, какъ кошка, на заборъ, перелѣзъ черезъ него и скоро очутился на большомъ дворѣ, почти сплошь уставленномъ извозничьими экипажами. Изъ конюшенъ доносилось фырканье лошадей, но всѣ извозчики были уже у себя въ каморкахъ и крѣпко спали.

— Вѣдь этимъ я не сдѣлаю никому... подумалъ Ваня.

И, забравшись въ одну изъ колясокъ, онъ вѣзъ на сидѣнье, свернулся на немъ калачикомъ и

заснулъ. А на дворѣ стояла холодная ночь.

Сколько времени онъ спалъ, онъ не знаетъ. Когда онъ проснулся, то чуть брезжило утро и между колясокъ бродили извозчики, мыли ихъ и запрягали въ нихъ лошадей. Увидавъ ихъ, Ваня сообразилъ, что ему гораздо лучше незамѣтно уйти поскорѣе, чтобы и въ слѣдующую ночь имѣть возможность переночевать тутъ-же. Во время сна картунки свалились у него съ головы и онъ сталъ шарить по сидѣнью рукой, чтобы его найти. Вдругъ ему подъ руку попался какой-то жесткій предметъ. Онъ взялъ его, сунулъ къ себѣ въ карманъ и, найдя фуражку, незамѣтно пробрался между экипажей до воротъ, которые были уже отворены настежь, и вышелъ на улицу.

— Что-бы это было такое? подумалъ онъ про тотъ предметъ, который нашелъ.

И, подойдя къ фонарю, который все еще горѣлъ, онъ вынулъ изъ кармана найденный предметъ и сталъ на него глядѣть.

Это былъ дорогой кожаный бумажникъ. Ваня раскрылъ его и увидалъ въ немъ много денегъ. Все бумажки по десяти и по двадцати-пяти рублей. Одна бумажка была даже въ сто рублей и были еще двѣ другія, которыми Ваня цѣны вовсе даже и не зналъ.

— Надо отнести эти деньги обратно... подумалъ онъ со страхомъ, засовывая бумажникъ снова къ себѣ въ карманъ. Брать чужое — грѣшно.

Тѣмъ временемъ извозчики уже длинною вереницей выѣхали со двора, отправляясь на свой трудовой день. Одни изъ нихъ были угрюмы, другіе веселы, а третьи совершенно равнодушны. Тяжелая жизнь подъ холодомъ и зноемъ, подъ снѣгомъ и дождемъ приучила ихъ равнодушно относиться ко всему.

— Но если я понесу сейчасъ этотъ бумажникъ назадъ, подумалъ Ваня, — то меня спросятъ, откуда я его взялъ. Отъ меня потребуютъ, чтобы я признался, что я ночевалъ въ коляскѣ и, пожалуй, еще отправятъ меня въ участокъ!.. Нѣтъ, боюсь!

И, подумавъ немного, онъ побрѣлъ своей дорогой туда, куда по-прежнему вели его глаза.

— На ночь я опять перелѣзу черезъ этотъ заборъ, рѣшилъ онъ, — найду тотъ самый экипажъ, въ которомъ сейчасъ ночевалъ, и, незамѣтно отъ всѣхъ, положу этотъ бумажникъ обратно туда, гдѣ ваялъ...

Онъ шелъ и шелъ, и что дальше, то все больше и больше ему хотѣлось ѣсть. Открывались булочныя и пекарни, изъ нихъ вкусно пахло только-что испеченнымъ хлѣбомъ, но у Вани не было ни

копейки денегъ и ему не на что было его купить. А когда ужъ окончательно разсвѣло, онъ снова вспомнилъ о своей находкѣ и ему захотѣлось взглянуть на нее теперь. Онъ вытащилъ бумажникъ и заглянулъ въ него. Въ немъ были все тѣ же деньги, которыя онъ видѣлъ и при свѣтѣ фонаря, но теперь, въ одномъ изъ его отдѣленій, онъ нашелъ еще фотографическую карточку: на ней былъ снятъ какой-то мальчикъ, худенькій съ грустнымъ выраженіемъ лица.

Ваня положилъ фотографію обратно въ бумажникъ и пошелъ далѣе.

— Сегодня-же вечеромъ я отнесу эти деньги обратно на извозничій дворъ, думалъ онъ, — и положу ихъ туда, гдѣ взялъ...

А тѣмъ временемъ ему страшно хотѣлось ѣсть. Но что-же именно сдѣлать, чтобы утолить этотъ мучительный, чисто дѣтскій, голодъ? Что сдѣлать такое, чтобы добыть себѣ хоть немножко денегъ и купить на нихъ хлѣба?

Незамѣтно Ваня дошелъ до вокзала. Изъ него толпами выходили пассажиры. Значитъ, только что пришелъ поѣздъ. Выбѣстъ съ другими пассажирами выходилъ одинъ господинъ, который несъ въ одной рукѣ пледъ, а въ другой тяжелый чемоданъ. Счастливая мысль вдругъ пришла въ голову Ванѣ. Онъ подскочилъ къ этому госпо-

дину и, ласково заглядывая ему прямо в самые глаза, нѣжно сказала:

— Не желаете-ли, я вамъ помогу?

— Помогите! отвѣтилъ ему господинъ. — А я дамъ тебѣ за это гривенникъ!

Онъ спустилъ свой чемоданъ на землю и встряхнулъ отекшей рукой.

Боже мой! Цѣлый гривенникъ! Теперь Ваня заработаетъ этотъ гривенникъ и будетъ сытъ цѣлый день!

Ваня подсакиваетъ къ чемодану, хочетъ поднять его съ земли, но у него не хватаетъ для этого силъ.

— Куда тебѣ, карапузъ! говорить ему съ упрекомъ пассажиръ, и снова беретъ свой чемоданъ и уходитъ вмѣстѣ съ другими.

Ваня въ отчаяніи смотритъ ему вслѣдъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Надежда заработать свой собственный кусокъ хлѣба не оправдалась. Онъ вошелъ въ вокзалъ, сѣлъ въ уголку на диванчикъ и горько заплакалъ.

— Хоть-бы маленький кусочекъ хлѣбца! сказала онъ. — Хоть-бы одну только крошку!

И вдругъ онъ вспомнилъ объ извозничьемъ дворѣ. Что, если онъ пойдетъ туда и наймется тамъ въ услуженіе? Неужели ни одному изъ извозчиковъ не нужно, чтобы кто-нибудь помылъ вмѣсто него его экипажъ или присмотрѣлъ за

его лошадыю! Быть можетъ, кто-нибудь изъ нихъ сжалится надъ нимъ и дастъ ему за его работу поѣсть.

«Кстати я отнесу обратно и этотъ бумажникъ», подумалъ онъ.

И, собравши послѣднія силы, онъ пошелъ къ тому извозчику, ему двору, гдѣ ночевалъ истекшую ночь.

— Тебѣ, мальчикъ, кого? спросилъ его дворникъ.

— Кто здѣсь самый старшій? спросилъ Ваня.

— Иди вотъ въ эту дверь... Тамъ контора! Спроси тамъ конторщика!

Ваня вошелъ въ контору. За столомъ сидѣлъ приказчикъ, передъ нимъ стояла какая-то богатая дама въ траурѣ, и онъ вѣлъ съ нею разговоръ.

— Такъ вы, сударыня, говорите, обратился къ ней приказчикъ, — что вы оставили вашъ пакетъ на извозчикѣ? Не можете-ли вы припомнить номеръ извозчика, на которомъ изволили ѣхать?

— Нѣтъ, не помню... отвѣтила дама. — Для меня не такъ важны деньги, которые тамъ находятся, сколько карточка моего покойнаго единственнаго сына. Мнѣ ее больше не откуда достать и за нее я могла-бы пожертвовать всѣмъ.

— Хорошо, сударыня... продолжалъ приказчикъ, — какъ только возвратится изъ города нашъ извозчикъ, — такъ я сейчасъ-же имъ всѣмъ и сдѣлаю опросъ.

И, увидѣвъ вшедшаго Ваню, робко стоявшаго у двери, онъ его спросилъ:

— Мальчикъ, тебѣ чего?

Задыхаясь отъ волненія и страха,

Ваня въ немногихъ словахъ рассказалъ ему, какъ у него умерла мать, какъ ее похоронили, какъ онъ остался одинъ на всемъ бѣдомъ свѣтѣ и какъ ему невыносимо теперь хочется ѣсть.

— Простите меня... робко сказала онъ и слезы засѣлись у него на глазахъ. — Мнѣ некуда было дѣваться и я въ эту ночь передѣлъ черезъ вашъ заборъ, забрался въ коляску и тамъ и переночевалъ...

— Да какъ-же ты смѣлъ?! воскликнула вдругъ приказчикъ. — Въ участокъ, въ участокъ тебя, негодяя этакого! Развѣ можно лазать въ чужіе дворы?

Дама въ траурѣ поглядѣла на тщедушную, тоненькую фигурку Вани и ей стало его жаль.

— Бѣдный мальчикъ!.. проговорила она. — Значитъ, ты пришелъ сюда попросить милостыню?

Ваня густо покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ. — Я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы возвратитъ вотъ этотъ бумажникъ, который я нашелъ, когда спалъ здѣсь въ коляскѣ.

Онъ досталъ свою находку и подожилъ ее на столъ.

— Мой бумажникъ! воскликнулъ

ла дама. — Это онъ! А я его такъ ищу!

Не обращая вниманія на деньги, не заботясь даже, цѣлы онъ или нѣтъ, она стала торопливо заглядывать въ его отдѣленія, повидимому, отыскивая въ нихъ что-то другое, что было для нея дороже всѣхъ денегъ въ мірѣ.

— Слава Богу! Вотъ она! воскликнула она, увидѣвъ фотографическую карточку своего сына, и со вздохомъ облегченія опустилась въ кресло. — Какъ я рада! Боже мой, какъ я рада, что она нашлась!

И обратившись къ приказчику, она продолжала:

— Теперь не наводите больше справокъ: карточка нашлась!

— А вы-бы сосчитали, сударыня, деньги! отвѣтилъ ей приказчикъ. — Быть можетъ, этотъ мальчуганъ что-нибудь стащилъ!

Она подошла къ Ванѣ.

— Стащилъ? сказала она. — Развѣ такой мальчикъ можетъ стащить?

И она погладила его по головѣ. Затѣмъ она вынула изъ сумочки душистый платокъ и отерла имъ Ванѣ слезы.

— А теперь пойдемъ со мной! сказала она и взяла его за руку.

Онъ послушно послѣдовалъ за ней.

Выйдя за ворота, она наняла извозчика, сѣла въ коляску и усадила Ваню рядомъ съ собой. Ему было холодно, хотѣлось ѣсть.

и онъ двигался, какъ въ полу-забытѣ.

А когда извозчикъ остановился около одного изъ богатыхъ домовъ и она сошла съ экипажа и свела съ собою также и его, то онъ поднялъ на нее свои доверчивые голубые глаза и тихою спросилъ: — Куда мы идемъ?

Она склонилась къ его головѣ и коснулась своей вуалью его лица. — Ко мнѣ, мой милый, отвѣ-

тила она. — Теперь ты будешь жить у меня.

Въ это время нарядная горничная отворила имъ дверь.

— Входи-же! обратилась къ Ванѣ дама. — Не бойся! Здѣсь найдется мѣсто и для тебя!

И они вошли.

Съ этихъ поръ для Вани началась новая жизнь, о которой онъ не смѣлъ даже и мечтать.

К. Тр.—

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ пищевыхъ продуктовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Имя Софія дается дѣвочкамъ очень часто.

2) На дачѣ у зрителя тина весь прудъ затонула.

3) На вчерашнемъ концертѣ я пѣлъ соло, Нина и Варя играли на роялѣ, а Коля — на скрипкѣ.

4) Кажется, дорога уже суха, рискнемъ по ней проѣхать!

5) Изъ угожденія Богу, рцы томо одну правду и твори добрыя дѣла.

6) У нищаго мальчика пуста совсѣмъ корзинка.

7) У сосѣдняго дома сломало вѣтромъ часть крыши.

8) Клюква съ сахаромъ — одно изъ нашихъ русскихъ лакомствъ.

9) Сидитъ мужикъ на бугрѣ, чихаетъ да утирается.

10) Бабушка шалью укрывалась, комары бабушку кусали.

II.

Задумано слово, состоящее изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Буквы 4. 7. 6. 7. 8. 1 означаютъ то, что остается послѣ снопа,

7. 2. 3. 4. 9 — хлѣбный злакъ,

4. 5. 6. 7 — жировое вещество,

2. 3. 4. 6. 7 — принадлежность лодки, 8. 5. 4. 6. 7 — продуктъ,

бываемый изъ молока, конопля, подсолнуховъ и т. п., 2. 7. 6. 7. 4. 9 — принадлежность головы,

7. 6. 7. 2. 7 — металл.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ имя одного изъ сыновей знаменитаго библейскаго царя.

III.

Изъ слѣдующихъ словъ составить начало известнаго стихотворенія Пушкина, которое знаетъ каждый школьникъ:

да, ни, бо, ни, зна, я, бо, чка, тру, ты, за, етъ, не, жи, пти.

IV.

Названія какихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Когда корабль застрянетъ на мели, то пользы етъ этого будетъ мало.

2) Пахарь ковырялъ землю, а не пахалъ ее; отъ этого у него и неурожай.

3) На мосту лаяла собака.

4) Въ дремучемъ лѣсу мы заблудились и долго не могли изъ него выйти.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 13, помещенныхъ въ № 12 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Чай + (рука) = Чайна. II. Корито, оси, шапка, мюшка, анекдотъ = кошачья. III. Ратникъ, стаянъ, стирка, крамя, князь, старина, угада, картина = кустарникъ. IV. Власть, вѣтъ, тепло, село, поле, сова, соль, тополь = Саватрополь. V. Но фраза «Золотое Дѣтство» — 14 буквъ. VI. Олень, ... гѣ + на (гѣна), ... ры + са (рыса), ... со + боль (соболь), ... ку + ни + ца (куница), ... заг + ша (загушка), ... ам + дра (выдра), ... зосъ, рысь, ... ба + рана (баранъ). VII. Лось + осина = лососина.

Ребус № 13. Око + добъ + очни + съ + к + в + а + сомъ + со + бра + досъ + мно + гора + б + очн + хъ = Окозабочи съ многими собралось много рабочихъ.

Вѣрныя рѣшенія за эти даты недели прислали: Ж. Бунтикъ, Варавникъ, Г. И. Боснякѣй, А. и П. Мустафовъ, Я. Завоскій, М. Тараканъ, Ю. Вавилентинъ, В. и Н. Пашинио-

5) Ты такъ не послушенъ, что заниматься съ тобой — одно наказанье!

6) Не угори; гарью пахнетъ; кажется, въ печи есть чадъ.

7) Она долго не могла догадаться, кто-бы это былъ.

8) У сосѣдняго помѣщика луга уже скошены.

9) Велико зло въ людяхъ! Изъ-за пустяка они готовы причинить другъ другу неприятности.

10) У шелковичнаго червя тканіе кокона производится посредствомъ одной непрерывной нити.

V.

Мальчикъ стацилъ у сапожника копѣйку и онъ выдралъ его за уши.

За что сапожникъ наказалъ мальчика?

сина, А. и С. Шатовъ, В. П. Домашневъ, Н. Иванова, М. Крестоводженская, С. и В. Богдановы, Б. Войнаровский, М. и А. Юрченко, Н. Суздалькова, И. Нарышкинъ, В. и В. Радикъ, III. Шалмова, О. Кипцова, Ва. Миноретъ, М. Персиль, О. Константиновъ, В. и К. Крыловъ, Л. Кувшинскій, В. Угларевъ, К. Молешевъ, III. Евгеньевъ, М. Агреневъ-Славянский, В. Сухина, Е. Волыня, В. Столяковъ, Л. Чудикова, Ели. Дубровина, Д. Веселычакъ, В. Фокина, ки. Д. Орисова, Гришутинъ и Овсановичъ, С. и А. Михайловы, С. Вирскій, Т. Елсратикъ, В. Лопатинъ, З. и Н. Саввини, Н. и Г. Каосъ, Л. Суковалченко, Ю. Лоптевъ, В. Лаевскій, П. и С. Темаровъ, Н. Ильинская, О. Эдвардъ, Ж. и В. Подлята, Ю. Лопшинъ, Н. Гусаровъ, Н. Шереметьевъ, К. и В. Богдановъ, Л. и К. Жилаевы, Н. Кокушина, Туолъ, А. Яковинский, Кута, В. Яковинскій, И. и Л. Вацуровъ, П. Ольшакскій, Юра, К. Холзвинъ, П. Поля, Т. Перепрегова, III. и Р. Моевевъ, М. Кавина, Ю. Гольцъ.

Ребусъ № 15

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны.)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

за 1914 годъ

въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ — 4 рубля за экземпль, со всѣми приложеніями. За пересылку въ Европейской Россіи и на Кавказъ — 45 коп.

Высылается наложен. платежемъ.

Адресъ Редакціи: Петроградъ, Каменноостровский, 26.

Журналъ за 1915 г. разошелся весь.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой.

1. „Дружокъ и Дожка“.
2. „Въ кеболѣ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.

